

Сергей Шапиро

ГОРИТ ОГОНЬ

духовная сказка для взрослых христиан

(нерактированный текст)

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....3

Пролог.....4

Часть 1. Реалистично-фантастическая

Глава I.....6

Глава II.....8

Глава III.....10

Глава IV.....12

Глава V.....15

Глава VI.....17

Глава VII.....20

Глава VIII.....22

Глава IX.....26

Глава X.....30

Глава XI.....32

Глава XII.....34

Часть 2. Сказочно-фантастическая

Глава I.....37

Глава II.....38

Глава III.....41

Глава IV.....44

Глава V.....46

Часть 3. Заключительная

Глава I.....50

Глава II.....51

ОТ АВТОРА

Сюжет целиком вымышленный. Образы собирательные.
Любые совпадения с реальностью непреднамеренны. Но и неизбежны.
При этом должен сознаться: ничто так не питает воображение, как сама жизнь.
Гиперболы применены по закону жанра. Это все-таки притча. Вернее, простите, сказка...
Или, быть может, тревожный сон в полудрёме? Действие происходит в недалёком будущем.
Приблизительно в 2040 году.
Судите сами...

«И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им?
Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано,
ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что
имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не
разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите - и
не уразумеете, и глазами смотреть будете - и не увидите...»

(Матф.13:10-14)

*Всем, подобным мне, глухим и слепым невеждам,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ПРОЛОГ

«События последнего времени неизбежно должны были заставить меня что-то написать.

Только вот прежде чем выдать первую строчку, я, наверное, полчаса тупо смотрел куда-то вглубь белизны чистого листа. А о чем писать? О собственном помешательстве, ещё и во всех подробностях? Больше тут и не о чем...

Ну, ладно. Было вот как...

Сначала я понял, что не вписываюсь в общество окружающих меня людей. Скажем так, прежде я был в большинстве... Это такие люди с зависимым сознанием. Они во всём полагаются на меньшинство... Наверное, если бы я изначально был одним из меньшинства, всё пошло бы иначе. Впрочем, не буду гадать, неважно...

Важно другое: я стал видеть то, чего не видели ни те, ни другие. Большинство, как и полагается ведомому стаду, ничего не понимает. Правда, и меньшинство, несмотря на «до-всего-есть-дело», тоже... Сейчас я это знаю уже. У меньшинства на всё один ответ: команда «служить». Нужно только начать, и над тобой разверзнутся «хляби небесные». А возможностей для служения в нашем городе всегда было предостаточно.

И большинство делало вид, что служило. Ну, и я тоже.

Мы, которые суть большинство, как-то не сомневались: если бы меньшинство вдруг исчезло (допустим, улетело на большом мохнатом облаке), то худшим вариантом был бы уже только Армагеддон.

Сейчас пишу и думаю: ведь никакого общепринятого деления на меньшинство и большинство никогда не существовало. Об этом никто никогда не говорил. Просто так давно устроено.

Что было потом?

А потом я стал чувствовать себя судьей, как бы вместо Бога. Или вместе с Богом... Но, в любом случае, не на своем месте. Завёл странную привычку, вроде карманника какого-то, исподтишка наблюдать за людьми. Оценивать их поведение и реакции. Впервые я смотрел на всё, как на большую игру, в которую нужно либо играть со всеми, либо стараться выйти. Мне отчаянно хотелось понять, в каком на самом деле месте я живу. И что на самом деле здесь происходит...

Это было, наверное, похоже на удивление человека, который несколько лет не был дома, жил в какой-то другой стране, а потом вдруг вернулся. Удивление из-за того, что стал видеть то, чего не замечал никогда раньше.

На сегодня хватит. Продолжу завтра.

18 мая или 2-ий день без вести».

Из личного дневника

ЧАСТЬ 1

Реалистично-фантастическая

ГЛАВА I

Светлый.

Так он называется. Город, где я родился. Городков и поселков с таким названием в эпоху строительства коммунизма было создано несколько, по всей советской империи. Империи уже полвека как не существует, а населенные пункты остались.

Кто-то может подумать, что в названии города сокрыто указание на светлое будущее, светлый путь, или что-то в этом роде, из понятий почти забытого уже научного коммунизма. Но все гораздо проще. Почти сто лет назад здесь построили крупную тепловую электростанцию, рядом с ней город, и завезли народу тысяч пятнадцать, специалистов с семьями. Так появился город и его название.

Возможно, Вас это удивит, но после развала Советского Союза в нашем городе лет десять не было церкви. Вообще никакой. Большинство людей даже и не знали, что это такое.

И вот однажды приехал Основатель (извините, ради пущей абстрактности имён называть не буду). Сейчас, спустя столько лет, эта оваянная легендами личность уже стала гранитным монументом в памяти народной. И продолжает наращивать годовые кольца, ширясь в плечах. Впрочем, человек действительно был легендарного масштаба. Все биографические очерки обычно начинаются с попыток измерить мощь социального потрясения от его внезапного появления в нашем городе. Если по шкале сейсмической активности, то выходит где-то девятка. Но я бы, пожалуй, переполовинил для приличия... А с другой стороны: что должно было произойти, когда однообразное безрадостное существование маленького городка без исторических корней, построенного в степи по типовому советскому проекту, нарушило появление такого вот человека?

«Основателю было около сорока лет, когда он приехал в наш город. В сентябре 1992 года его горячо любимые жена и дочь погибли в автокатастрофе. Год глубокой депрессии завершился трагическим обращением к Богу. Молодой человек решил больше никогда не жениться, а всю свою жизнь посвятить служению Господу. Ещё через восемь лет он услышал призыв ехать в Светлый. Внутреннее свидетельство о том, насколько большая жатва ждёт его в этом маленьком городке, придало ему смелости и сердечной отваги».

«Чудеса исцелений, которые почти сразу стали сопровождать его служение, привлекли за сравнительно короткое время множество людей. Основатель никогда не сомневался в том, что это только начало. Так оно и было. Невероятная, безграничная жертвенность покоряла. Проповедь о Божьей любви в Иисусе Христе приносило чувство реальности Небесного Царства. Слова о Божьем суде были словами человека, сбежавшего из ада, и вселяли трепет и страх. Слова о спасении были похожи на слова того же человека, но как если бы его вынули из-под гильотины, отдав палачу и судьям за него баснословную сумму, дабы покрыть все преступления. И это были не просто слова, все это отражалось в его делах и поступках. Создавалось впечатление, будто он не из какого-то другого места приехал, а что это гость с небес, как Тот, о ком он проповедовал».

Последние два абзаца взяты в кавычки не случайно. Это цитаты из школьного учебника по городской истории. Как говорится, за что взял, за то и отдаю.

Ну, вообще-то многие знавшие его близко и общавшиеся с ним, ещё живы. Когда я учился в школе, эти «ветераны духовной битвы за взятие Светлого» приходили к нам со своими рассказами. И наращивали годовые кольца где-то между алгеброй и биологией. Одни вспоминали, что Основатель молился почти постоянно. Другие отмечали его потрясающую духовную интуицию. Часто при этом добавляли, что некоторые его поступки были нелогичными, неестественными для человеческого характера. Образно говоря, когда все готовы были бежать, он стоял. Когда все пребывали в покое, он мог испытывать беспокойство. Ну, или что-то говорил, что-то делал, непонятное и несвоевременное с точки зрения общей ситуации. А через какое-то время все становилось ясным, как день, обнаруживая его сверхъестественную прозорливость. Вообще необыкновенные вещи сопровождали Основателя везде, сделав его персону самой популярной в городе и окрестностях, начиная с пятого месяца пребывания и до конца его дней.

Знакомство с городскими властями состоялось через три месяца, когда он даже ещё не успел зарегистрировать общину. Интеллигентность Основателя, способность с ходу находить устойчивый контакт с незнакомыми людьми, заставили о нём заговорить. Мера города, вероятно, снесла тот вид мужского любопытства, который погубил средневековых ацтеков. Он желал как можно быстрее увидеть потенциального политического оппонента. И если повезёт, быстренько снять с него потенциально политический скальп. Но после первой же встречи, впечатленный скромностью, смелостью, нестандартным умом и прозорливостью Основателя, старался выспрашивать его совета по многим важным вопросам управления. Особенно по этическим. Правда, только неприметным образом и только наедине. Это стало потом доброй традицией всех меров Светлого. И почти все делали это незаметно и наедине. Так что неизвестно, насколько они действительно следовали его советам. Он-то об этом никогда не говорил. И к чужим политическим скальпам интереса не проявлял.

Человек вообще был удивительно скромный. Такой же скромной была его внешность. Я видел множество фотографий, и везде он выглядит по-разному. Не фотогеничный был. А если приходилось видеть какой-нибудь общий снимок, так вообще не везло: человек стоит в первом ряду, и не видно его! Русский, среднего роста, слегка улыбается. Одет всегда в свой тёмно-серый костюм, один на многие годы. Такое впечатление, что с сорока лет он уже больше не менялся. Добавились лёгкие морщинки возле глаз... Сухощавый аскет, вот и весь типаж.

Успехи деятельности Основателя могли бы остаться не более чем просто впечатляющими, если бы не одно обстоятельство. Его ученики...

Иисус сказал: «довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его», Мф. 10:25. Мысли, слова, дух и жизнь учителя непременно должны передаться его ученикам, если они решили быть учениками во всем. Если верить официальной хронике, некоторые ученики Основателя стали не менее преданными Богу, чем он сам. Очень много людей спустя несколько лет стали тогда присоединяться к общине. Евангелие не встречало препятствий прежде всего потому, что Основатель не давал для этого повода. Его жизнь была чистой, а помыслы бескорыстными... И того же он ждал от учеников.

Настоящее Преображение, как его сейчас называют, началось через двенадцать лет, когда церковь в двадцатитысячном городе достигла пятисот человек. Ни одно помещение Светлого не могло вмещать одновременно такого количества людей. Впрочем, на тот момент в этом и не было необходимости. Церковь всегда собиралась, прежде всего, по домам. И Основатель гораздо лучше себя чувствовал именно в домашней обстановке. Он очень много ходил по домам.

Нужно ведь ещё заметить, что такого неприятного фактора, как конкурентная борьба между церквями, в городе не существовало по причине отсутствия других общин. Миссионеры, то ли от греко-католиков, то ли от православных (толком никто не разобрался) хотя и добрались сюда, но как-то не закрепились особо. Возможно, были быстро отозваны. Основатель же никогда даже не пытался ориентировать церковь в отношении принадлежности к какой-либо конфессии, и не поддерживал подобных разговоров. Вообще, все его контакты с остальным христианским миром были на тот момент минимальными.

Итак, это соотношение – один к сорока – определенным образом переломило духовную обстановку всего города. Присутствие верующих и их влияние на город игнорировать было очень трудно. Всё стало развиваться стремительно. С одной стороны, пошли новые, ещё более сильные, волны интереса к вере. С другой стороны, усилилась конфронтация, ложь и попытки несколько запоздалых, по удивительному божественному провидению, гонений со стороны властей. Но это привело только к ещё большему росту церкви.

К тому моменту, когда церковь составляла уже около пятой части (!) населения Светлого, всем стало казаться, будто весь город уже стал христианским. Исповедание христианской веры вдруг стало чем-то очень привычным и приемлемым в любом обществе или компании людей самого разного возраста. Христианство не просто терпели, оно было вполне заслуженно признанно. Церковь победила. Она стала реальной силой.

Прошло еще совсем немного времени, и проповедовать стало почти некому. Нераскаянных грешников будто бы и не осталось. Теперь почти каждый заявлял о своей принадлежности к христианству. Например, если кто-то в публичном месте проявлял, строго говоря, несовместимое с христианским образом жизни поведение, и к нему обращались с наставлением, он мог кивать, поддакивать и сообщать, что как раз опаздывает на собрание.

То, что я рассказываю, и буду рассказывать дальше – не просто изложение официальной истории славного христианского города Светлого. Здесь также и воспоминания очевидцев, в том числе и моих родителей.

«...Как странно он себя ведет! Совершенно непредсказуемо, я не могу представить, что будет в следующую секунду. Господи! Странно, что он вообще себя как-то ведёт... вроде как живое существо! Осмелюсь даже предположить: мы общаемся! Это наполняет какой-то радостью... трудно даже объяснить словами. Похоже на огненное проявление... Святого Духа? Правда, это ещё и на шизофрению смахивает. Хотя человеку непривыкшему все необъяснимые переживания кажутся таковыми. Наверное... что об этом можно знать? Но к такому я определённо не привык...

19 мая или 3-ий день без вести».

Из личного дневника

ГЛАВА II

Город гудел, как улей. Стоило Основателю в частной беседе поделиться своими, скажем так, мыслями, как уже на следующее утро тысячи толпились на центральной площади. Благо, что была суббота.

А случилось всё вот из-за чего. Торжество христианской веры в городе было настолько внушительным, что у нашего Основателя возникли мысли о завершённости своей миссии. Размышления привели его к необходимости начинать все сначала в другом городе.

Разумеется, не приехать на площадь он не мог. И как только это случилось, многотысячный гул и скандирование заглушили микрофонные голоса представителей городской власти, пытавшихся взять ситуацию под контроль. Когда тишину удалось восстановить, Основатель с умилением и благодарным трепетом в голосе попытался всё объяснить и назвать веские причины своей, как обычно говорят, отставки.

Но закончить ему не дали. К прежнему шуму толпы прибавились ещё и женские рыдания. Одна бабушка, которой он годился в младшие сыновья, простонала: «Отец родной! На кого же ты нас оставляешь?!» И тут же стала частью церковного предания. Всё, как полагается, с гранитным постаментом и годовыми кольцами. Её монументально-трагическая фигура в виде темы для диктантов и сочинений на заданную тему отравила жизнь многим поколениям школьников.

Ситуация стала приобретать неуправляемый характер. Окружение Основателя растерялось. И тут-то самый молодой из учеников проявил завидную решительность, властными жестами остановив массовую истерику. Вот суть его короткого, но ставшего уже историческим, обращения.

– Сейчас мы, ближайšie ученики нашего дорогого Основателя, – произнёс молодой ученик, – вместе с ним самим отправимся в Дом Общения, где совместно попытаемся прийти к единственно правильному решению. Вас же просим спокойно разойтись по домам. А завтра утром по радио, в выпуске городских новостей наш дорогой Основатель выступит с обращением о своем окончательном решении. Мы, его ученики, со своей стороны сделаем всё возможное, чтобы уберечь его от опрометчивого решения.

Одобрительный гул свидетельствовал об общем согласии с выбранным подходом. Поэтому эскорт с Основателем во главе немедленно отправился в Дом Общения (слово «офис» тогда еще не использовали). Люди стали медленно расходиться. Одни рассуждали о смысле сказанных молодым учеником слов, и о том, какое именно решение считать опрометчивым. Характер размышлений здесь был скорее оптимистичным. Другие говорили о завтрашнем выпуске новостей, боясь, что их просто поставят перед фактом. В данном случае характер выводов был гораздо пессимистичнее.

Тем временем эскорт прибыл в Дом Общения. Всех немного удивило то, что обстановка была уже тщательно подготовлена к переговорам. Столы сдвинуты, стулья расставлены. На столах минеральная вода и стаканы. Бумага, ручки – все в необходимом количестве. Немного смущаясь, молодой ученик сообщил, что всё это приготовил он сегодня рано утром, незадолго до собрания на площади, так как ситуация позволяла предвидеть её развитие. Все отметили его завидную смывленность (вероятно, про себя сочтя её пугающей) и приступили к обсуждению.

Между прочим, отмечу, что протокол переговоров, если можно так выразиться, хотя и был какое-то время предметом гласности, но последние пятнадцать лет найти его совершенно невозможно. То, что мне известно, я почти случайно узнал у очевидца, одного из старейших учеников Основателя. Но о нём немного позже.

Не будем подробно останавливаться на всём ходе обсуждения. Рассмотрим основные, самые веские аргументы, которые и убедили Основателя остаться в Светлом.

Первый возник сразу, и был поддержан всеми. Это возраст, пятьдесят семь годков от роду. В таком возрасте нельзя уже начинать никаких крупных дел, потому что лишних двадцати лет в запасе просто нет.

Второй аргумент вытекал из первого. Больные ноги. Они начали отекать ещё пять лет назад, причиняя неудобства и боли при ходьбе. Фактически второй довод прозвучал даже весомее первого.

Но этого всё равно оказалось слишком мало для того, чтобы остановить такого деятельного, мужественного и привыкшего к лишениям человека, как Основатель.

И тут опять включился молодой ученик. Казалось, он предвидел даже такое развитие событий, поскольку выглядел весьма подготовленным. Он сообщил, что их потрясающим успехом уже очень давно интересуется весь христианский мир. Самому Основателю постоянно приходят факсы с приглашениями на самые престижные отечественные и международные мероприятия (конференции, симпозиумы или съезды) в качестве гостя. Но он не был ни на одном из них. А ведь если бы он только появился, то сразу бы приобрёл небывалый авторитет, и все следующие приглашения наверняка были бы уже в качестве спикера. Неужели он ещё не осознал, служителем какого масштаба является?! Он мог бы поделиться своим могучим духом с тысячами, сотнями тысяч, миллионами христиан!

Основатель ответил на это выражением своих сомнений. Он напомнил, что к ним в церковь часто и в большом количестве приезжают верующие из соседних районов и областей. И они действительно выглядят вдохновлёнными. Но он не слышал, чтобы где-то повторился успех Светлого.

Кто-то поинтересовался, знает ли он точно, куда именно ему нужно идти насаждать церковь. Основатель отрицательно покачал головой. Он выглядел уже очень уставшим.

Снова с живостью заговорил молодой ученик. Поскольку ещё нет конкретного решения, почему бы не продолжить пока служение на старом месте, просто расширив его масштаб?

В слове «пока» есть большая сила. Оно является спасением для многих длительных обсуждений. Как дальше всё развивалось, уже не столь важно. Главное, что ученикам удалось убедить Основателя остаться. Пока...

Стоит ли говорить, какое ликование наступило на следующее утро после радиовыступления Основателя? Люди весь день собирались по домам, общались, вместе обедали и ужинали, снова и снова обсуждая его слова.

«Что ж, кажется, жизнь налаживается! Возможно, я скоро не захочу уходить отсюда! Очень смешно... Во всяком случае, если я хоть как-то шучу, значит и правда не всё так плохо. Впрочем, я так радуюсь только потому, что окончательно уверовал в собственное спасение от голодной смерти. Есть вероятность других напастей, типа какой-то тяжелой болезни... или дикого зверя. Но об этом думать не хочется. Человек, как известно, ко всему привыкает. Мы большие мастера усыплять собственную бдительность и находить изобретательные объяснения, чем же наше незавидное положение может оказаться полезным. Однако признаюсь, тревожное чувство никак не покидает.

21 мая или 5-ий день без вести».

Из личного дневника

ГЛАВА III

Через пару месяцев Основатель вместе с несколькими учениками отправился в Москву на крупную международную конференцию. Неделю спустя они вернулись.

Хотя вся церковь пребывала в ожидании подробного рассказа из уст Основателя о посещении конференции, его, тем не менее, не последовало. Со слов того же очевидца, одного из учеников, который также присутствовал тогда на конференции, Основателю не понравился лоск и позёрство, которые он увидел там. Он и его спутники были слишком скромно одеты, чтобы их хоть кто-нибудь заметил. Молоденькая девушка, сестра из миссии, организовавшей конференцию, вежливо предложила заполнить анкету. Но, услышав название города, оценив внешность Основателя и остальных, отказалась указывать в анкете услышанную цифру о количестве людей в церкви. Она пригласила на помощь своего начальника, который просто предложил занижить цифру в десять раз, потому что его сотрудники, которые будут обрабатывать анкеты, все равно её не примут. Основатель отказался это делать, предложив всем сотрудникам миссии сразу после конференции посетить церковь.

Благодаря инциденту с анкетой его познакомили с пятью наиболее влиятельными пасторами. Они действительно слышали о необычно крупной церкви в Светлом, но даже и не подозревали, что почти весь город стал христианским. Изъявили желание немедленно приехать.

Приехали через полгода. Двое из пяти. Подготовкой к их приезду вплотную занялся молодой ученик. Он, кстати, тоже входил в состав делегации на первую конференцию. Первую, потому что за следующие полгода успел побывать ещё на двух. Один, в качестве разведчика, как он выразился. И произвел там «настоящий фурор». Поэтому помимо двух «крупных» пасторов, должно было приехать еще пару десятков, «помельче».

То, что делегация пасторов приехала только через полгода, имело, впрочем, вполне разумное объяснение. Таких гостей следовало принять подобающим образом. Как минимум, их должна была увидеть вся церковь. Или, говоря точнее, весь город. Ни одного подходящего для таких целей помещения на тот момент не было. Была только площадь в центре Светлого, на которой, при грамотном подходе, можно было всё организовать. Но делать что-либо там можно было только по теплу. Не раньше мая, то есть через полгода.

Восторгу гостей не было предела. Такая большая церковь в таком маленьком городе! Жители города вдруг узнали, что пробуждение, случившееся у них, было самым внушительным в мире за последние тридцать лет. Это если не считать Африку. Некоторые пастора (особенно те два!) оказались блестящими проповедниками, умеющими обращаться к большому количеству людей. Многим даже показалось, что короткое обращение Основателя значительно уступало по силе тому, что говорили уважаемые гости.

Прощаясь, гости настоятельно требовали, чтобы Основатель посетил их церкви, послужил им. Он скромно благодарил за приглашение, но никто так и не услышал от него конкретного ответа. Виднейшие пастора, кажется, его и не требовали, так как были уверены: приглашение принято.

Всё последующее затем лето церковь прожила очень тихо. Основатель и ученики были заняты внутрицерковными вопросами. Кто бы мог знать, что это было последнее такое тихое лето за долгие годы, которые затем последовали...

А выдалось лето очень дождливым. Ещё дождливее была осень. Основателю стало тяжело ходить. После долгих уговоров его повезли на обследование в областную больницу. Врачи сразу обнаружили диабет, причем в довольно запущенной форме. Диагноз всех шокировал. Ведь, несмотря на его патологическую неспособность следить за своим здоровьем, никому, даже из лиц ближайшего его окружения, не приходило в голову такое. Это была очевидная слепота, совершенно непростительная для всех. До сих пор болезнь Основателя, её столь позднее обнаружение, является предметом споров и пересудов. Слишком много странного. В общем, церковь тогда бросила все силы и начала использовать все возможности для лечения столь дорогого, во всех смыслах, человека. Молитвы за него не умолкали ни на минуту.

В ноябре молодой ученик отправился с ответным визитом во все церкви, пастора которых столь любезно послужили в Светлом. Везде он просил горячо молиться за здоровье дорогого Основателя. объездив так около десятка церквей, в конце декабря вернулся в родную церковь. И обнаружил, что состояние его любимого учителя заметно ухудшилось, тот стал очень плохо видеть. Ученики установили круглосуточную вахту, заменяя друг друга у кресла или кровати больного. Люди шли к нему нескончаемым потоком. Он принимал их ежедневно десятками.

Сидя у кровати своего дорогого наставника, молодой ученик рассказывал о том, как его хорошо приняли во всех церквях. Как долго и искренне они молились за его, Основателя, здоровье. Он выражал уверенность в том, что Основатель обязательно поправится, и они вместе еще не раз посетят дружественные им церкви.

Напоследок ученик рассказал о помощи, которую просили во всех церквях в деле организации «евангелизма». Все были поражены нашими успехами. И поэтому просили направить команды евангелистов для практического обучения церквей. Что ответил Основатель, мы так никогда и не узнаем, поскольку разговор происходил без свидетелей. Знаем только, что молодой ученик ушел от него мрачным. Но организацией команд занялся немедленно, из чего следовало: учитель идею принял.

Вообще молодой ученик с того момента очень много работал, и сильно уставал. Ему приходилось собирать и готовить команды евангелистов. Кроме того, он на общих основаниях ухаживал за болеющим Основателем. Но наибольшее утомление ему приносила подготовка к первой международной христианской конференции в Светлом. Вообще, предполагалось, что команды Евангелистов будут очень успешными, поэтому через месяц после их возвращения и была запланирована конференция «Христианский город-2019». На неё приглашались представители церквей из тех городов, где наши евангелисты осуществляли свой труд. Кроме того, приглашались пастора наиболее прогрессивных церквей разных континентов. Ну и, наконец, положение особых гостей отводилось братьям из тех городов мира, где когда-либо происходило духовное пробуждение, подобное тому, что произошло в Светлом.

Молодой ученик не ошибся. Результаты работы команд евангелистов действительно были впечатляющими. Во всяком случае, об этом свидетельствовали цифры и восторженные свидетельства христиан из тех городов, где сама программа по благовестию, собственно, и совершалась. Конференция оказалась прекрасно организованной. Кроме того, практически очень полезной и информативной. И какой-то очень домашней. Видимо, этому способствовал тот факт, что проходила она в городском клубе, небольшом по размерам, примерно на двести человек. Кстати, по этому случаю, он был капитально отремонтирован и

немного даже реконструирован, от чего только выиграл. Заслуга молодого ученика в этом была самая прямая. Но он постоянно говорил, что всё это дело рук Божьих.

Почти все участники конференции (приехала примерно половина приглашённых) выразили желание активно поучаствовать в ней и в следующем году. Более того, обещали настоятельно рекомендовать её и другим пасторам. Молодой ученик слышал много благодарностей и комплиментов в свой адрес. Правда, его несколько раз почему-то назвали помощником пастора. Ведь, насколько было известно церкви, помощниками иногда называли только двоих старших учеников. Но молодой ученик легко исправил это недоразумение, просто объяснив, что ему иногда приходилось так себя называть, перед тем как быть представленным в ряде церквей. Это понятная всем должность, она никогда ни у кого не вызывает ненужных вопросов, в отличие от простого, но неопределенного слова «ученик».

Все решили, что все это не так уж и важно. Тем более что в новых условиях другие ученики испытывали стеснение и неуверенность. Только молодой ученик, похоже, чувствовал себя как рыба в воде. Он стал много уделять внимания внешнему виду. Всегда аккуратен, одет «с иголочки», добротные ботинки начищены до звонкого блеска. При его высоком росте и приятных чертах лица это воспринималось как должное, совершенно органично. Особенно в последнее время, когда он стал для всех «палочкой-выручалочкой». Кто-то из гостей подарил ему дорогие часы, что придало представительскому имиджу необходимую завершённость.

Приезжие пастора дважды, в начале и в конце своего пребывания в Светлом, сделали короткий визит к Основателю, помолившись за него и пожелав ему скорейшего выздоровления.

«Интересное наблюдение: перемены происходят всегда и всюду. Вот, кажется, что ничего не меняется. Но так бывает только от ленивой невнимательности. Любое незначительное обстоятельство может оказаться важным для будущего. Только за сегодняшний день я заметил много чего интересного. Например, на моей поляне летают три разных вида бабочек. А вчера было два. Прежде ведь такого не заметил бы! Просто был невнимателен... Видимо, нужно было, чтобы жизнь совсем остановилась.

23 мая или 7-ий день без вести».

Из личного дневника

ГЛАВА IV

В ночь на 7 июля Основатель неожиданно позвал всех своих ближайших учеников. Благословив каждого и совершив с ними причастие, он попросил их любить церковь и заботиться, в первую очередь, о ней. Ученики были подавлены, прекрасно понимая, что происходит.

Через день христианский город Светлый узнал, что их духовный Основатель соединился с Господом, которого так любил. Я не настолько хорошо разбираюсь в болезнях, так что боюсь что-то напутать. Но, насколько мне известно, он впал в кому, не выходя из которой вскоре и умер.

Печаль и глубокая скорбь сковала город на несколько недель. Собираясь, церковь большей частью молилась и, совершая причастие, вспоминала о Господе, понесшем на Себе грехи всего мира, а затем и о недавно (так рано!) почившем Его святом.

Но течение жизни постепенно выводило церковь из этого состояния глубокой скорби. Была одна проблема, которая поначалу и не казалась такой уж серьёзной. Просто всё больше людей становилось ею озадаченными, и потому она стала приобретать внушительные

размеры и постоянство зубной боли. Дело в том, что Основатель не оставил преемника... Зачем конкретно нужен был этот самый преемник, и почему нельзя было обойтись без него, почти никто не задумывался. Но непреодолимая потребность в человеке, имеющем силу и авторитет, способном быть защитником, была выше всех доводов разума. Увы, ни в ком пока не видели личность, достойную быть преемником такой фигуры, как Основатель. Был один, неочевидный, на первый взгляд, момент. Основатель на протяжении восемнадцати лет обладал самым высоким статусом в городе, с точки зрения авторитета. Подавляющее большинство людей искренне верили в то, что именно обладание статусом и доверие Богом этого статуса сделало из простого скромного человека героическую личность. И только единицы, большей частью ближайшие ученики, хорошо помнили, что героя они видели в этом скромном человеке практически с первых же дней знакомства. Однако он не только не имел тогда никакого статуса, но даже и вовсе не подавал надежд на будущее обладание чем-то подобным. Поэтому хотя желание как можно быстрее иметь преемника было весьма сильным в массах, ученики не торопились кого-либо выбирать или назначать. Они пребывали в нерешительности в этом вопросе, надеясь на Божье провидение.

Тем временем на центральной городской площади начались какие-то работы. Рабочие с отбойными молотками сняли часть асфальта, после чего экскаватор вырыл в этом месте довольно большую яму. Вскоре туда завезли много крупных камней и бетонных плит. Горожане стали догадываться, что там будет, скорее всего, какое-то мемориальное сооружение. За неделю рабочие возвели нечто похожее на полукруглую стену. Как только она приобрела форму правильного полукруга, значительную часть площади в том месте обнесли сплошным строительным забором. Видимо, после этого работа закипела ещё быстрее, так как грузовики то и дело въезжали и выезжали через ворота. От огражденной территории прорыли канал почти до главной улицы. Возле дороги несколько дней работала газовая служба. Потом канал засыпали землей и заасфальтировали.

В конце августа мер Светлого по радио объявил, что 3 сентября состоится торжественное открытие мемориального комплекса. Приглашаются все. В качестве почетных гостей ожидалось ближайших учеников покойного Основателя. Это же объявление за подписью главы городской администрации вышло в еженедельной газете.

В назначенный день и час, 3 сентября, почти весь город собрался на городской площади. Мемориальный комплекс был красиво накрыт крупными кусками белой материи. Мер города объявил о торжественном начале мероприятия. Он заявил, что лично очень обязан Основателю и чувствует вину за несколько запоздалое выражение признательности. Затем, мягко улыбаясь, он признался в существовании неоценимой помощи со стороны своего нового заместителя по вопросам социального развития. Фактически, именно он претворил в жизнь всю концепцию мемориала.

В этот момент возле микрофона возник... молодой ученик. Шепот удивления прокатился в народе. Непонятным казалось, почему его назначение заместителем мера было преподнесено с такой помпой. Не то, чтобы мер назначал заместителей очень часто, но это было довольно заурядным событием, которое сразу же предавалось публичной огласке. А тут вдруг... Второй момент: новое назначение сразу же выделяло самого молодого среди прочих учеников. Ведь предполагалось, что он будет в числе «почетных гостей» для получения дорогого подарка от городских властей. А оказался главным идейным вдохновителем. Другие ученики хотя и выглядели осведомленными, но и какими-то растерянными.

Однако новый заместитель сразу же успокоил народ. Он сказал, по словам очевидцев, примерно следующее.

– Сначала я прошу за все воздать славу Богу! Это Он делает! Это Он вложил в сердце нашего дорогого мера желание поддержать создание того, что мы сейчас увидим. Как приятно жить по Божьей воле и творить Его дела!

Такое уверенное заявление подействовало даже на самых сомневающихся. Раздались громкие аплодисменты. Ободренный всеобщей поддержкой, молодой ученик заметно осмелел.

– Прежде чем мы насладимся замечательным произведением наших мастеров, я бы хотел обрадовать Вас ещё больше. Хотим ли мы проводить в нашем городе благословенные и очень крупные международные конференции? – Он повысил голос, и, дождавшись одобрителного гула где-то в передних рядах, продолжил, – Теперь у нас будет такая возможность! Потому что в столице буквально на днях утвердили наш проект создания спортивного комплекса олимпийского резерва. Он будет построен в течение трёх лет за деньги из госбюджета. Кроме всего прочего, в нём будет предусмотрен огромный крытый стадион на двадцать тысяч сидячих мест! Это настоящее чудо от Бога. Ведь ни в одном маленьком городе страны не построили ещё такого стадиона!

Бурные аплодисменты и крики почти заглушили последние слова. Похоже, всем понравилась не только сама новость, но и вдохновляющая манера подачи выступающего. Он немного копировал ужимки приезжих пасторов, и это выходило довольно естественно.

– Я чувствую, как Господь использует меня на этом месте заместителя мера. За все слава Ему! Мы увидим ещё много чудес! А теперь давайте насладимся чудесным зрелищем...

На «раз-два-три» белая ткань была спущена.

Взору изумленной публики предстала такая картина. На внутренней части построенной полукругом стены располагался вылитый из сплавов цветных металлов барельеф. В крайней левой его части находился красивый горельеф жнеца с серпом. В нем угадывались черты Основателя. Примерно до середины стены тянулось пшеничное поле с рядом крупных колосьев на переднем плане. Затем оно плавно переходило в контуры города. По двум характерным колоннам электростанции можно было догадаться, что это Светлый. В центре полукруга вдруг неожиданно вспыхнуло пламя и загорелось красивым желто-голубым огнем.

Молодой ученик пригласил к микрофону главного архитектора города, который и курировал весь процесс постройки мемориала. Тот, деловито картавя, объяснил суть идеи. Город Светлый одновременно являлся и Господней нивой. Основатель, естественно, – делатель, высланный на жатву. Огонь посредине полукруга символизировал Святого Духа, который отныне и навсегда почил на городе.

Горожане расходились по домам в большой радости, впервые за два месяца. Переполюняло сознание того, что, хотя Основателя и нет с ними больше, но зато Святой Дух «отныне и навсегда почил на городе».

«Всё-таки приятно чувствовать себя особенным. Я ведь особенный? Провидение назначило меня Хранителем Огня, это выпадает далеко не каждому. Зачем? Это второй вопрос, он меня и так измучил... Важен сам факт избрания, сконцентрируюсь на нём...

...

...дурак ты, дурак! Ты ведь уже не можешь так грубо себя обманывать. Прошли те времена, не вернёшь! Самовнушение – удел слепых... Ты же теперь зрячий, забыл?

24 мая или 8-ий день без вести».

Из личного дневника

ГЛАВА V

Вторая международная конференция «Христианский город-2020» поражала своим поистине столичным размахом. Уровень организации, количество гостей и участников: буквально во всем чувствовался осязаемый прогресс. Судя по тому, как часто звучали благодарственные слова в адрес мера и директора электростанции, оказанная ими

организационно-финансовая помощь оказалась решающим фактором достижения успеха. Для многих почетных гостей дорога в обе стороны и проживание ничего не стоили, все за счет организаторов.

Мер Светлого довольно быстро раскрыл причину своего активного участия в организации конференции. С известной долей иронии он напомнил всем собравшимся на площади (а конференция в этот раз проходила на площади в огромной, арендованной где-то, палатке) анекдотичный сюжет из «Золотого теленка», где Остап Бендер рисует перед любителями-шахматистами провинциального городка Васюки будущее шахматной столицы. У Светлого было ещё меньше шансов стать христианским центром международного масштаба. Но Бог сделал такое чудо! Теперь город обречен на развитие!

Заместитель мера (молодой ученик) по вопросам социального развития представил план перспективного развития города. Основной тезис: «Будущее Светлого зависит от воспитания христианских ценностей в будущих поколениях и распространения христианской веры отсюда по всему миру».

– Господь доверил нам очень ответственную задачу, – резюмировал он, – и мы не можем Его подвести. Столь сильное присутствие Его среди нас – очень большая привилегия. Огорчение Святого Духа является грехом, недопустимым для Церкви, которая существует только благодаря Ему.

Молодой ученик принял большую часть делегации в своем кабинете, где показал макет будущего спортивного комплекса олимпийского резерва, начало строительства которого хотя и задерживается, но всего на несколько месяцев.

Не обошлось и без неприятностей. Почти все, кто приезжал на первую конференцию в прошлом году, теперь называли молодого ученика не иначе как пастором, несмотря даже на его чиновничий статус. Недоразумений подобного рода становилось все больше. По окончании конференции все ученики собрались для принятия окончательного решения об организации церковного управления.

Было решено собраться в том же составе, что и в ночь смерти Основателя. Несколько напряженная обстановка разрядилась после молитвы и слов Молодого Ученика о своем намерении участвовать в следующих выборах мера Светлого. Все сошлись на мнении, что мера города уж точно не будут называть пастором. Дальше обсуждение протекало в гораздо более спокойном русле. Заседающие решили прибегнуть к мировому опыту, как к очень вескому, без сомнения, мерилу истины. Формула «церковный совет плюс пастор» считалась наиболее распространенной и приемлемой у протестантов (временна блаженного неведения о своей конфессиональной принадлежности остались далеко позади) с точки зрения соотношения: с одной стороны желание народа иметь духовного лидера, с другой – невозможность злоупотребления духовной властью. Церковный совет избирается общецерковным голосованием из наиболее авторитетных людей, и тут проблем не предполагалось. Но кто будет «продолжателем»? Трудность состояла в том, что никто из учеников никогда не проявлял чисто лидерских качеств, даже если у кого-то они и были. Они всё делали сообща. Искренние и чисто братские отношения не позволяли никому из них первенствовать в чём-либо. Вообще характер отношений, которые с первых дней пребывания в городе поддерживал в своем окружении Основатель, был таковым, что люди властные и слишком уверенные в себе чувствовали себя там «не в своей тарелке». Немудрено, что их не было в числе учеников. Предполагаю, что читатель очень этому удивится, не поняв, как это молодой ученик с его ярко выраженными лидерскими качествами, мог задержаться всё же в окружении Основателя. Со слов очевидца, о личности которого я по-прежнему обещаю упомянуть немного позже, молодой ученик всегда был очень старательным и преуспевал в смирении. Его же продвижение по карьерной лестнице явилось следствием наличия профессиональных талантов и рвения, которые каждый человек обязан проявлять на своем рабочем месте.

Так или иначе, «продолжателя» в этом кругу видно не было... В какой-то момент, один из учеников, явно утомившись от долгого обсуждения, предложил совместить должность мера и «продолжателя». Ведь, в конце концов, город-то христианский. И тут

ученики разделились! Одни с жаром доказывали, что это будет лучшим решением, поскольку к этому все равно всё идет. Другие им противостояли, говоря о недопустимости совмещения светской и духовной власти. Кроме того, говорили они, такой поворот дела почти гарантированно сделает молодого ученика безальтернативным вариантом. После долгих дебатов решили спросить мнение его самого. Со свойственной ему осторожной искренностью (сочетание редкое, но встречается) он заверил, что поддержит любого кандидата, которого определит совет. Но если другого выхода не будет, он сочтет за честь послужить «продолжателем» и мером одновременно. Вместе с тем, он выразил удивление, как после провозглашения плана перспективного развития города кто-то ещё может отделять светское от духовного!?

Короче говоря, ученики решили до выборов мера поискать оптимальное решение. Выборы обещали внести ясность в ход дела. Хотя внутри каждый понимал, к чему всё идёт.

Действующий мер Светлого, узнав о намерении своего заместителя по социальному развитию составить ему конкуренцию, был крайне разгневан. Но не стал увольнять его, так как прекрасно понимал негативные для себя последствия. Свою избирательную кампанию он решил построить на демонстрации своих прошлых успехов в должности мера и на подчеркивании своей прекрасной кадровой политики, давая всем понять, от кого зависели успехи всех его замов.

Всё это не помешало молодому ученику убедительно выиграть выборы, построив свою кампанию на тщательно переработанных и улучшенных тезисах плана перспективного развития города.

На следующий день после объявления официальных результатов выборов ученики собрались для принятия окончательного решения о положении с духовной властью в Светлом. Информация о предыдущем обсуждении уже успела распространиться по церкви. Странно, но большая её часть называла выборы мера и выборы «продолжателя» взаимоисключающими мероприятиями. Это случилось после того, как человек, обладающий духовным авторитетом в городе (молодой ученик), выдвинул свою кандидатуру на пост мера, и, разумеется, победил. Таким образом, если кто-то другой станет «продолжателем», это неизбежно приведёт к нездоровому двоевластию. В свете этого нынешнее обсуждение вопроса о выборе «продолжателя» теряло всякий смысл. Попытки найти решение, конечно, предпринимались, но они даже не стали достоянием истории. Мне неизвестны подробности. Светлый – не просто церковь, это в первую очередь город, а потом только церковь. Светлый – христианский город, один из немногих в мире. И поэтому его меру ничто не мешает совмещать также и должность пастыря (без кавычек, с названием к тому времени определились). В принципе, сколько бы не длились дискуссии, они объективно не могли ничего изменить в сложившемся положении вещей.

Тот день стал днем фактического самороспуска совета учеников. Часть учеников отказалось баллотироваться в церковный совет, остальные практически все вошли в него. Вошли в него также еще многие другие, также уважаемые и, бесспорно, духовные, граждане города.

Всю осень, до начала морозов, происходила закладка фундамента для спортивного комплекса олимпийского резерва. Весной следующего года началось его строительство. К всеобщему удивлению, крытый стадион на двадцать тысяч сидящих мест строился вовсе не в том месте, где предполагалось проектом, макет которого стоял в кабинете мера. Уже намного позже обнаружилось, что столичные чиновники задним числом отказались финансировать строительство такого большого стадиона в провинциальном городишке, незначительно увеличив только размеры двух спортзалов. Строительство стадиона город в течение пяти лет тянул за свои деньги и дополнительную помощь электростанции. Правда, все узнали об этом только после завершения строительства.

«Бывает так: старая жизнь ещё не ушла окончательно в прошлое, а новая пока не вступила в полные права. В такой период люди ведут себя по-разному. Одни тоскуют по прошлому, другие стремятся скорее приблизить будущее. Побеждают всегда, конечно, вторые.

Я начинаю тосковать по прошлому. Чувствую себя сдавшимися...

Ожидание убивает...

29 мая или 1 июня... сбился со счёта».

Из личного дневника

ГЛАВА VI

В настоящей главе я постараюсь изложить вкратце все перемены, произошедшие за последующие двадцать лет, то есть до описания непосредственных событий моего уже повествования.

Не ошибусь, если назову эти двадцать лет годами небывалого расцвета Светлого. Причем во всех отношениях. Численность населения увеличилась примерно на двадцать пять процентов. Жилищный фонд возрос и обновился. Социальные программы признаны лучшими в стране. Их выполнение также лучшее. Христианский город Светлый вполне оправдывал свой необычный статус и приличную репутацию. Город, в котором можно не запирают двери и не считать сдачу. Вы не найдете в нём бомжа или проститутку. Здесь все дети рождаются в браке, а разводов почти нет. В этом городе можно спокойно ходить по самым тёмным переулкам. Вы не услышите нигде грязной ругани и пьяных лиц. Люди здесь добры, заботливы и учтивы. Это, конечно, не рай на земле, но очень хороший город.

Пастырь-мер был бессменным руководителем все эти годы. Сколько я себя помню, это очень уважаемый человек, как в городе, так и далеко за его пределами. Без него не обходилось ни одно важное событие. Нет, диктатуры никогда никакой не было. Была объединяющая идея, выраженная в плане развития города, и главным вдохновителем этой идеи был пастырь-мер. Собственно, так пошло с самого начала, после смерти Основателя. Часть учеников его поддержали тогда, и вошли в его команду. Остальные никуда входить не стали, заняв выжидательную позицию. Впрочем, вскоре среди учеников на этой почве произошел конфликт. Кажется, двое или трое из них пытались публично подорвать авторитет пастыря-мера (официальная версия), но ничего не вышло. Примерно через месяц эти двое (или трое) уехали с очередным туром команды евангелистов, но вернулся из них только один. Другие два (или один), по слухам, основали где-то церковь.

Что касается выборов совета, то первые годы они были всеобщими. Но по мере усиления централизации церковной власти это стало делом проблематичным. Светлый-то как город небольшой, а как церковь – относился к уровню «мега». Мало того, что организация выборов – дело само по себе хлопотное при таком масштабе, но ещё и невозможно обеспечить избирателям хорошее знание всех кандидатов. Не было, фактически, никого, кого знали и видели в лицо более тысячи человек. Если же говорить о постоянном круге общения любого из кандидатов, то он никогда не превышал нескольких десятков человек. Что вполне естественно... Следовательно, большая часть электората не знала своего кандидата настолько, чтобы судить хотя бы о нравственных качествах, что являлось основным критерием для выбора.

Несмотря на всё это проводить всеобщие выборы на хорошем уровне было, в принципе, возможно. Только вот электорат становился каким-то вялым. Чем больше людям предлагалось информации о кандидатах, чем длиннее был их список, тем меньше становилось желание во все вникать и кого-либо серьезно выбирать. Формальный подход к выборам на пятом году их проведения (они были ежегодными) привел к тому, что совет начал всякий раз непредсказуемо меняться, в него зачастую попадали «не те», с точки зрения «генеральной линии», люди. Иными словами, формулировка «не те» означала

«безынициативность и отсутствие интереса к плану развития». Предложения проводить выборы один раз в два-три года (а то и пять лет!) не выглядели убедительными с точки зрения решения проблемы, они лишь сэкономили бюджетные деньги.

И ещё один момент. На третьем году стало ясно: Церковный и Городской советы необходимо объединить. Не только потому, что критерии выбора, в общем-то, одни, но и по причине неуклонной «христианизации» всех муниципальных планов и программ. При таком положении дел людям духовно некомпетентным в городском совете делать было нечего.

Итак... Опять-таки, сколько я себя помню, у нас всегда был церковно-городской совет. Что касается электората, то решение нашли простое и изящное. От каждого дома, улицы, переулка и самого последнего тупика были выдвинуты так называемые делегаты. Чтобы стать делегатом, необходима была поддержка минимум десяти человек, которые были готовы делегировать свои голоса. Таким образом, при численности населения двадцать тысяч человек, делегатами могли стать полторы-две тысячи. Никаких выборов не проводилось, просто существовала специальная комиссия, которая проверяла делегатов, получая подтверждения от выдвигающих их людей.

Как система делегирования голосов могла помочь в выборах совета? Но ведь полторы-две тысячи людей гораздо легче сориентировать, чем двадцать тысяч. Тем более, что делегатами становились лучшие: пастора домашних церквей, отцы семейств, вдовцы, вдовы и прочие уважаемые люди.

Организационная сторона дела также была продумана. Готовилось к сдаче новое, современное здание церкви. В нем – большой зал на две тысячи персон. Именно поэтому и было принято решение отобрать не более двух тысяч представителей городской общины. Как только здание открылось, состоялось первое собрание делегатов. И проходило оно с тех пор один-два раза в месяц. Разумеется, у делегатов была прекрасная возможность из первых уст иметь достоверную информацию о работе действующего церковно-городского совета, и изучать всех кандидатов в новый совет.

Именно созыв делегатов и стал отправной точкой к формированию деления на так называемые большинство и меньшинство. Одни пассивны, другие активны. Одни ведомые, другие ведущие. Как-то легко народ воспринял делегатский принцип голосования, легко снял с себя принадлежащую по праву ответственность. Разрыв между этими двумя условными группами людей постоянно увеличивался, в основном за счет все возрастающей пассивности большинства. Разумеется, этот вопрос не раз поднимался на собраниях делегатов. До большинства затем неоднократно доносились призывы и увещания быть активнее. Звучало очень много проповедей о том, чтобы всем быть ответственнее. Всё без толку. Наконец, была разработана целая программа привлечения людей к активному служению. Например, ранее исключительно добровольное служение команд евангелистов постепенно становилось почти принудительным за счет тотальной мотивации. Особенностью программы была система скрытого поощрения. Как только человек проявлял невиданную доселе активность, возникала делегатская фигура и старательно поднимала его значимость в глазах других людей. И это всегда работало, потому что если подумать, нет для человека ничего важнее его собственной значимости. Работало это и в отношении меня. И, честно говоря, я не помню ни одного раза, чтобы кто-то подошел ко мне и сказал, что я не должен служить, если меня к этому побуждает не само желание просто служить Богу. Возможно, никому и в голову такое не приходило. Настолько высоко ценился сам факт служения, что закладка в ком-то сомнений, пусть даже с указанием на скрытые мотивы, считалась почти грехом.

Но если в отношении чего-то и существовала всеобщая активность, так это касалось так называемого наблюдения друг за другом. Если какой-то человек словом или поступком обнаруживал недостойные мысли, привычки или качества характера, к нему буквально в течение дня звонили или приходили серьёзные люди с ещё более серьёзным разговором. Это случалось даже тогда, когда кто-либо считал себя незамеченным в постыдных вещах. Собственно говоря, плохого в этом ничего не было, поскольку формировались твердые стандарты если не внутренней, то внешней святости. Но возникновение такого весьма

неприятного явления, как «чёрный рынок», обязано было именно пристальному вниманию горожан к жизни друг друга. На «чёрном рынке» иногородними по очень высокой цене реализовывалось все то, что люди ни за что не решились бы покупать в магазинах, даже если бы это там продавалось. К таким товарам относились всегда сигареты, спиртное, сомнительные с точки зрения христианского мировоззрения музыка и фильмы, газеты, журналы, книги, и прочее.

Расскажу немного о служении команд евангелистов. Команд в последние годы было много, несколько десятков, по семь-десять человек в каждой. Ездили они уже по всему миру, насадили немало церквей. Почти все евангелисты, которые начинали это служение, сейчас (во всяком случае, к началу моей истории) преподают в Институте международного евангелизма (ИМЕ), учрежденном церковью. В нем учатся студенты со всей страны и из стран ближнего зарубежья. Каждый месяц уезжают и возвращаются пару десятков команд евангелистов. Их руководители зачитывают короткие доклады на собраниях делегатов, или на воскресных собраниях.

Кстати, о воскресных собраниях. Летом они могут проходить на центральной площади, но в основном, в течение года, проводятся в большом зале здания церкви. Собрания на площади немного короче зальных, но очень многолюдны. На собраниях же в зале присутствует большая часть делегатов и многочисленные гости города. Остальные делегаты и вся церковь собираются в небольших залах по всему городу. В каждом из залов установлено по одному большому монитору, транслирующему основное служение. Мониторы с использованием современной звуковой системы создают атмосферу присутствия в главном зале города.

Как я уже говорил, численность населения выросла на двадцать пять процентов. Основная причина роста – преобладание рождаемости над смертностью. Все остальное – за счет приезжих. Некоторые студенты после окончания ИМЕ женятся, выходят замуж, и потому пускают корни в городе. Нередко ценных специалистов по электроэнергетике находят и приглашают в Светлый жить и работать. Правда, не все приживаются в христианском городе, но большинство остается.

Честно говоря, в городе бывает иногда тесновато. Видимо, из-за туристов. Это христиане, которые приезжают сюда на несколько дней или недель, отдохнуть духом и душой. Любопытно, что евангелисты, служа в других городах и странах, часто рассказывают о городе, и приглашают сюда в основном неверующих. Но, судя по всему, мало кто из них предложением воспользовался. Зато верующих – «пруд пруди». Особенно часто я их видел фотографирующимися возле Мемориала имени Основателя.

Впрочем, статистика прибытия была бы гораздо более впечатляющей, если бы не обратная сторона. Люди ведь ещё и покидали этот город. Часть из них не могли и не хотели отказываться от некоторых страстей и пороков, и потому бежали. А другие – просто странные люди. Надо сказать, что если с первыми все просто, то к «другим» горожане относились настороженно, с подозрением. О таких людях говорили: «они были среди нас, но не были нашими». Сейчас, оглядываясь назад, я вспоминаю некоторых из них, кого знал лично, и многое понимаю. А тогда я считал их предателями, замаскированными лицемерами, мечтающими раствориться в мире греха и соблазнов.

«Прошел, наверное, уже месяц моего пребывания здесь. Что имеем?

Научился жить в тишине, размеренно и спокойно. Начал понимать, что мой внутренний мир – не менее важен и интересен, чем мир внешний. Больше молюсь. Намного больше. Евангелие читаю почти постоянно.

Но иногда такая тоска находит... не передать!

15 июня или 18 июня... или 18 дней как сбился со счёта».

Из личного дневника

ГЛАВА VII

Подошло, наконец, время моей истории.

К моменту описываемых событий мне двадцать пять лет. Не женат. И не делегат. Единственный сын престарелых родителей, живу с ними. Я был поздним долгожданным ребенком, так что недостатка в родительской любви не было.

Мои родители – простые люди. Отец работал мастером, мама была инженером-сметчиком. На электростанции, разумеется. Оба давно на пенсии. И оба – стабильно в большинстве. Правда, в отношении меня они всегда мечтали о другом, хотели гордиться своим сыном. И, в принципе, гордились. Видели то, что хотели видеть. Кажется, я вырос неглупым, начитанным.

Моя заурядная жизнь кончилась внезапно. Однажды, стоя на служении перед монитором, я пел вместе с хором (в главном зале последние десять лет служит очень большой хор) трогательную песню поклонения. Мои глаза, как обычно, закрыты. Руки, как обычно, подняты. Я пел эту песню много раз, но только в тот момент почему-то очень серьезно задумался об ее значении. Увлечшись размышлениями, я даже замолчал и опустил руки. В песне были слова: «Ты открыл Царство Своё внутри меня». В какой-то момент мне показалось, что внутри меня как дверь открылась, и извне в неё пролился свет. Свет настолько яркий, что мои веки со всей силой сжались. И через эти, плотно сжатые веки, вдруг хлынули слёзы. Первые слёзы глубокого внутреннего озарения в моей жизни. Царство Божье внутри меня! То самое Царство, в которое каждый верующий стремится попасть после окончания своего земного пути, уже сейчас находится внутри меня. Мысль, как будто, не новая. Но чувства валили с ног!

Потрясённый открытием, я больше не мог оставаться в зале, где уже пели новую песню. Общее настроение потекло куда-то дальше, ведомое строгим регламентом. Я же потерял ощущение времени, выпал из привычного пространства. Не помню, как оказался на улице. Все пусто вокруг, ни души. Прошел немного, оглянулся. Увидел вдалеке одиноко бредущего человека. Чуть в стороне еще двоих. Что они делают на улице? Такие же, чем-то озарённые, как я? Или просто прогульщики? Я ведь никогда ещё не гулял по городу во время воскресного богослужения. Какая непривычная тишина! Город будто вымер. Строгие аллеи с безупречно стриженными кустами только подчёркивали атмосферу «зазеркалья» своим нарочито официозным реализмом.

Было ощущение, словно лампочка загорелась в моем мозгу. Она стала освещать тёмные лабиринты сознания, находившуюся прежде в полумраке истину. Впрочем, важна была не столько открывающаяся глубина истины, сколько само состояние. Я чувствовал, что время остановилось, его как будто больше не существует. И я нахожусь вне времени. Как бы в вечности, что ли... Странно, но я всегда считал вечность качественно другим измерением, несовместимым с земной формой существования. Уверен, не я один так считал. Есть же расхожие фразы: «перейти в вечность», «встретиться в вечности»... Но ведь вечность – это что-то, что всегда было, есть и будет. В нее нельзя перейти, из неё нельзя уйти. И наша временная форма существования – вовсе не другое, по отношению к вечности, измерение. Это просто короткий отрезок (если не сказать «точка» или «пятно») в глубине вечности. И если Царство Божье внутри меня, то это ничто иное, как вечность внутри меня. И если это так, то, живя во временном, или среди временного, я не обязан жить этим временным. Вот так, издалека, всё и начиналось. Оттуда я и пришёл к себе нынешнему.

Я медленно брел по улицам города... Служение закончилось, и люди заполнили тротуары. Кто-то спешил, кто-то медленно передвигался к назначенному месту. Некоторые прогуливались, оживленно беседуя. Мной овладевало странное чувство... Чувство отстранённости от всего окружающего. Среди этих людей есть хоть кто-нибудь, кто меня поймет, даже если я битый час в подробной форме буду объясняться? Впрочем, понять-то поймут, но оценят ли, сочтут ли действительно что-то значащим? Ведь могут и высмеять, предложить «заняться делом», направить на служение евангелистов, чтобы я лучше поделился своими чувствами с неверующими, и они быстрее обратились к Богу. Но ведь это

было дано не для неверующих, а для меня лично, это очевидно. Кроме того, я был полон сомнений. Вопросы, вопросы, вопросы... они возникали один за другим. Ответы на них были пока за пределами моего понимания. Зачем мне всё это?

«Лампочка» в мозгу постепенно гасла. Острота чувств ослабевала. Темнело и на улице. Я поднялся с лавочки, на которой сидел последние полчаса, и пошёл домой.

Видимо, на этом всё и закончилось бы. Озарение должно было мне дать импульс к активной деятельности, к возможному повышению социального статуса. Но этого не случилось, потому что чувство отстраненности никак не проходило. Так продолжалось почти три недели. Внутреннее напряжение всё возрастало. Я знал, что имею дело с сильнейшим духовным голодом, но не в состоянии его утолить. Как жить, если вечность уже внутри меня?

Я начал внимательно перечитывать Новый Завет, евангелия и послания. Делал это несколько раз. Так и есть! Акцент на вечном гораздо сильнее, чем на временном, в том числе и на всей этой земной церковной атрибутике, поднятой в нашем городе на высочайший уровень значимости. Ну и что из того? Что в этом нового? Нового ничего... только почему у нас всё не так? Вернее, почему мы не считаем одно только это несоответствие лишаящим всяких прав считать себя теми, кем мы якобы являемся?! Ещё точнее, почему, несмотря на несоответствия, мы считаем себя находящимися в воле Отца Небесного? Почему так довольны собой? Почему считаем, что все под контролем, и Он нас к чему-то там ведёт?

Но ведёт ли? Может, Господь просто ждёт, когда мы сами перестанем куда-то идти? Может, смысл не только в том, чтобы бежать, прыгать, преодолевать препятствия, а и в том, чтобы больше стоять и слушать, и исполнять только то, что услышали?

Человек очень деятелен по своей натуре. Мы живем в мире, подверженном изменению, старению и разрушению. Утром мы поели, а вечером уже умираем с голоду. Только недавно ты был молод и здоров, а сегодня ты уже стар, болеешь и спешишь к нотариусу составлять завещание. Поэтому смысл человеческой деятельности заключается в том, чтобы опередить законы изменения, старения и разрушения как минимум на один круг. Днем мы обедаем, предупредив вечерний голод. К зрелости тянем повозку жизни на себе, поднимаем ее на достаточную высоту, чтобы к старости она катила нас сама, и перед смертью мы не испытали ужаса бессмысленности наших стараний. Для всего этого ведь необходимо развить достаточно высокую скорость, несовместимую со способностью чувствовать вечность.

И вот Церковь приходит к погибающему миру, и говорит, что все его старания тщетны, а деятельность бесполезна. Мир надменно фыркает и отворачивается. Но некоторые, сознающие бессмысленность временной формы жизни в отрыве от Бога, прислушиваются к тому, что говорит Церковь. Им приносят весть об искуплении, очень подробно и достоверно. Но весть о вечном Царстве Божьем, которое внутри есть, подается все же очень бледно и скупно. А вечность ведь требует времени на её постижение, иногда очень много времени. И много тишины. Но времени, оказывается, нет. Потому что человеческая душа, озаренная Богом, опять рвётся к деятельности, только уже для Бога. Ведь бездеятельность для человека деятельного – синоним безделья, но никак не внутренней подготовки к осмысленной деятельности ради вечности, которую только вечный Бог вдохновить может.

Я ужасно извиняюсь... понесло, знаете ли. Это только сейчас я так рассуждаю. Тогда же голова моя пухла от множества вопросов, а дух – от неутолимого голода. Я страстно желал вырваться из этого замкнутого круга. Будучи слабым и не представляющим чётко смысл происходящей внутри меня перемены, я отчаянно нуждался в помощи. Но не знал, к кому обратиться. Зато рисковал попасть под назойливое делегатское попечение, не получив взамен никаких ответов.

«А о чем такой червь, как я вообще имеет право мечтать. Мне оказана великая честь! Прежде всего, я живой... Жизнь – вот главный дар. И это факт, который превыше всех слёз, соплей и стонов саможалости. И потом, я – Хранитель Огня. Знаю, что недостойн! Но так Он пожелал, и это огромная честь для меня. Почему же я был настолько горд и эгоистичен? Жалкий я человек...

Сбился со счёта окончательно. И даже с умыслом».

Из личного дневника

ГЛАВА VIII

Но однажды меня посетило новое озарение. Одинок скитаясь по городу, я решил пройти к мемориалу. Его открытие двадцать лет назад стало одним из первых моих глубоких впечатлений, оставшихся на всю жизнь. Внимательно, как в первый раз, разглядывая идею, воплощенную в камне, я случайно услышал обрывок разговора двух влюбленных людей, молодой семейной пары.

– Если ты хочешь позвать кого-то ещё, то нам придётся назначить общее для всех место встречи, - сказал парень немного недовольно.

– Не дуйся! Будет весело, вот увидишь! А встретиться мы можем и здесь, возле «Святого Духа», - улыбаясь, мягко ответила девушка.

Я был потрясен! Как же раньше этого не замечал?

«Мемориал имени Основателя». Молодому поколению, даже уже моего возраста, это мало о чем говорит. Вернее, может и говорит, но в обиходе уже не используется. В обиходе принято использовать простые, понятные всем, желательны визуальные, символы. Огонь в центре Мемориала – как раз такой символ. Но это не просто огонь, он еще и что-то подразумевает. Вернее, кого-то... Отсюда название: «Огонь Святого Духа». Использовать святыню (самого Бога!) в обиходе – кощунство! Виноваты ли в этом эти двое молодых? Возможно, и нет. Но хочу напомнить, что в последнее время мои чувства стали гораздо острее. Я больше не мог спокойно относиться к вещам, мимо которых люди склонны спокойно проходить, снисходительно и участливо похлопывая по плечу таких вот, как я. Впрочем, поколение постарше и без того привыкло, с укоризной глядя, поправлять молодежь в подобных случаях. И меня поправляли... Но вовсе не легкомысленное кощунство двоих молодых христиан так задело меня. Это другое!

Годами, десятилетиями взлелеянная уверенность в особой, знаете ли, благодати по отношению к нашему городу превратилась в беспечную умиротворенность Божьих любимчиков. Какие были основания для такого состояния? Ну, как же! Весь наш город был покорён Христу. Более того, церковь активно проповедовала по всей стране, и даже миру. Был насажен не один десяток церквей, сотни, возможно тысячи спасенных душ обрели вечность. Это ли не показатель благосклонности Святого Духа? Нужен очень веский довод, чтобы доказать обратное.

У меня был такой довод. Абсолютно бездоказательный для окружающих, но очевидный для меня. Этот довод – я сам! Христианин, крестившийся в четырнадцать лет не по наследственной вере родителей, а по собственному решению. Неплохо знающий Библию и основополагающие христианские истины. Умеющий молиться и поклоняться (как странно теперь это звучит!). Закончивший пару библейских школ и курсы по благовестию. Но... пребывавший в духовной спячке. Только не в той спячке, которая подразумевает отсутствие всякой духовной активности. А в той, которая бессознательно, а иногда и сознательно, принимается человеком под влиянием всеобщего благодушия и благосклонного друг к другу отношения. И нечто внутри мне подсказывало, что если общество проявляет

благосклонность по отношению к себе, пусть даже и заслуженно в чём-то, оно не может рассчитывать на такую же благосклонность свыше. Даже если все очень этого хотят. Более того, люди в таком обществе настолько перестают чувствовать объективную реальность, что не замечают подмены. Все знают: если кинуть лягушку в холодную воду, а потом довести эту воду до кипения, лягушка сварится быстрее, чем заподозрит неладное. Но кто знает, что на фоне всеобщего духовного благополучия... или даже просто на фоне всеобщего эмоционального подъема в стремлении к этому пресловутому благополучию, человек склонен настолько «согреться», что его реакция, как у лягушки, слишком сильно замедляется?! Незаметно для себя он «проглатывает» и подмену понятий, и выдачу желаемого за действительное, и даже, как ни прискорбно, греховное состояние перед Богом.

Особенно сильно подобного рода состояние охватило Светлый. «Пока на площади горит огонь». Эту расхожую фразу я слышал в сотнях случаев. Вероятно, поначалу она произносилась иносказательно и с известной долей юмора. Не знаю... Кому она принадлежит, мне точно не известно. Скорее всего, пастырю-меру. Но, уверен, изначально она не содержала того смысла, который приобрела впоследствии. А впоследствии всегда находился кто-то, кто декламировал её торжественным тоном всякий раз, когда возникал хоть малейший намёк на сомнение в Его особенном отношении к Светлому. Что-то типа «Пока на площади горит огонь, мы не будем бояться того-то или того-то». При этом всегда подразумевалось, что огонь не погаснет ещё очень-очень долго. Не понимаю, почему я раньше не обращал на это внимания, и почему заметил только сейчас?... Ведь даже герб и знамя города содержали в основе своей геральдики наш знаменитый огонь.

Во всём этом одно обстоятельство не давало мне покоя больше всего. Почему пастырь-мер и все те глубокие христиане, составлявшие меньшинство, не обращали никогда внимания церкви на это несоответствие, косвенно как бы позволяя ей пребывать в ложной уверенности. Сами не замечали? Вряд ли. Не придавали значения? А это может быть. Ведь, в принципе, что особенного? Если есть какие-то проблемы, или какое-либо непонимание, оно происходит просто из духовной незрелости. Иногда сколько людям не говори, пользы не будет. Такие проблемы решаются только на личном уровне, это между человеком и Богом.

Да, в каком-то смысле это так. Но я что-то не припомню, чтобы данная тема вообще кем-нибудь поднималась, на любом уровне. Не помню также, чтобы афоризм «пока на площади горит огонь» кем-то когда-нибудь комментировался.

Так или иначе, на следующий день я немного остыл, сам удивляясь вчерашнему всплеску эмоций. Но, на всякий случай, решил некоторое время сторониться мемориала. Даже не решил, а просто подсознательно стремился его обходить, чувствовал, что встреча с ним психологически будет неприятна. Однако приблизительно через три дня, проходя мимо мерики (а в те памятные дни я целыми днями проходил мимо чего угодно), увидел городской герб и флаг. Вспомнив свое недавнее настроение, я вздрогнул и съежился.

Что же мне делать, в конце-то концов? Почему меня вообще преследуют эти параноидальные настроения? Что же со мной произошло почти месяц назад?

Признаюсь честно, за всё это время я ни разу ни с кем не поделился своими мыслями. Да и вообще не знал, с кем подобными мыслями делиться, как говорить, с чего начинать. Я просто не страдал раньше ничем таким.

В тот вечер к нам зашёл наш делегат, спросить как дела. Хороший парень, чуть постарше меня. Несколько простоватый в манерах и до тошноты правильный в высказываниях. Короче, в больших дозах вызывает желание поскорее расстаться друзьями. Родители всегда относились к нему, как к родному. Мама сразу бросилась его кормить, отец почтительно рассказывал о какой-то чепухе. Я всё время молчал. Ничего особенного в моём молчании, вроде бы, и не было. Но отцу показалось, что я уж очень мрачен, и он спросил меня об этом вслух. В этот момент все затихли и уставились на меня. Как, неужели?! Они что-то заметили? Разве я чем-то себя выдал?

Допив чай, делегат предложил мне немного прогуляться. Предчувствуя недоброе, я нехотя согласился. Мы вышли на улицу. Пару минут молчали. Потом он начал говорить. К счастью, опасения оказались напрасными. Да, мое подавленное состояние действительно

было замечено, и довольно давно. Собственно, это мама сама пригласила его специально для разговора со мной. Он был очень расположен, сказав, что внутренние кризисы – нормальное явление (*неужели брат по разуму?!).* Но их нужно решительно преодолевать (*нет, показалось!*). Вообще он больше сам говорил, чем давал мне возможность что-то внятно объяснить. Да и не хотелось мне объяснять.

Тем не менее, постепенно наш разговор всё же перерос из общих фраз в какую-то конкретику. Видимо, некоторые реплики выдали сложность моего настроения, некую неудовлетворенность окружающей действительностью. Понимая, что лучше всё же хоть как-то объясниться, я задал вопрос.

– Тебе ведь приходилось слышать выражение «Пока на площади горит огонь», и дальше... ну, привязку к какой-то ситуации?

– Приходилось. И что?

– А как ты лично к нему относишься?

– Ну, я не знаю, - протянул он с компетентным видом тупого начальства, - это просто такое иносказательное выражение... А как я должен к нему относиться?

– Тебе не кажется..., - чувствуя важность момента, я на минуту замолчал, подбирая слова, - тебе не кажется, что вот такое сравнение огня на площади со Святым Духом несколько оскорбительно для Духа?

– Нет, не кажется. Это просто образное сравнение. Не усложняй всё так.

Почувствовав затруднение, я, тем не менее, продолжил.

– Хорошо, оставим образное выражение. Но даже если вместо огня в нашем выражении просто сказать «Святой Дух», это не будет для Него оскорбительно?

– Не понимаю...

Он действительно не понимал, и перестал это скрывать. Но отступить было уже нельзя.

– Разве не совсем глупо и самонадеянно считать, будто Святой Дух нас во всём поддерживает, и во всём всегда с нами; и что Он во всяком нашем деле идет впереди нас, стоит только нам Его об этом попросить? Он ведь всё-таки Бог! Его мысли – не наши мысли! С чего мы вообще взяли, что Господь так безоговорочно доволен успехами нашего славного города Светлого?

– Ну, начнём с того, - веско и солидно произнёс мой вышестоящий собеседник, - что всеми успехами мы обязаны Ему. Без Бога в Божьем деле результат всегда равен нулю. А где ты ноль видишь?

– Всё делается с Его подачи и благодаря Его на то воле, я этого не оспариваю. Вопрос не в этом. Вопрос в том, насколько он доволен, насколько мы стараемся доставить Ему радость своим хождением перед Ним? Насколько мы готовы перестать достигать успеха, всё оставить, всё бросить, чтобы показать, что для нас это все не имеет значения?

– Наш успех имеет значение для Него, - отрезал делегат, - Он ведь призвал нас быть делателями, и благословил всем необходимым для этого.

– С этим я тоже не спорю. А вдруг мы уже отступили от Него? Всё делаем вроде бы при его помощи и под Его благословением, но фактически заменили Его присутствие внешними символами, вроде огня на площади? Ведь человек – довольно самостоятельное существо, он сам вроде как творец. И поэтому при правильной организации дела может достичь успеха и без Бога. А поскольку человек – тоже творец, ему может быть свойственно испытывать радость от своих трудов. Но эту радость он может выдавать за радость Святого Духа. Разве не может? Можно ведь любое нужное дело с искренним сердцем считать Божьим делом. Но истинно Божьи дела – это только те дела, которые делает Господь, потому что Он – Творец, действующий через нас. И Он в сердце каждого из нас вкладывает Свое желание, Своё чувство... Я так говорю потому, что никогда раньше такого особенного чувства не испытывал, всегда мои чувства были общими с другими людьми... А недавно я начал переживать что-то своё, непонятно откуда берущееся. Хотя и не моё это вовсе, слишком уж меня трясёт... И ещё побуждение искать Бога, Его воли настолько, насколько я никогда не искал. И в этих чувствах нет места для самоуверенности или уверенности в Его

благосклонности ко мне. В них больше страх, трепет ошибиться... как бы опасение заменить Его чем-то, что я себе придумал, или придумали за меня другие люди. Поэтому я и говорю: а вдруг мы уже отступили от Него, и делаем всё по-своему? Что если всё оставить, бросить как есть, и позволить Ему среди глубокого молчания, полной тишины говорить с нами, указывать на то, что Ему действительно важно, а что нет. А потом потихоньку начать делать то, на что получили «зелёный свет», что бы это ни было. А если кто не получил, то пусть и не делает, ждёт своего «зелёного света». Ну, или что-то вроде того. Я не очень хорошо представляю себе всё...

Потеряв мысль, я запнулся.

– Что значит «отступили»? - он недоумённо развёл своими крепкими руками, развернув ладонями ко мне. Я реально опасался пробудить в нём талант санитара из жёлтого дома с зелёными стенами.

– И зачем, - он продолжил, немного придя в себя, - все бросать? Нет, дружище, тебе нужно выходить из своей меланхолии, а не то ты ещё до такого додуматься можешь!...

– Ладно, не обращай внимания, - чувствуя себя немного неловко, я попытался «замять» разговор, - это просто мысли. Завтра они выветрятся.

Через десять минут мы, попрощавшись, разошлись. Я ещё раз заверил моего собеседника, пожимая ему руку, что всё нормально, и переживать из-за меня не стоит.

Делегат повернулся и пошёл, а я полминуты смотрел ему вслед. Вот человек на своём месте: организованный и исполнительный. Костюм, правда, плохо шёл к его типу дворового спортсмена. Ну а так вполне себе сносный имидж у человека.

На следующей неделе, кажется, в среду вечером, он всё-таки позвонил. Удостовериться, что со мной действительно всё в порядке. Но не только поэтому. Оказывается, на последнем делегатском съезде он рассказал обо мне своему наставнику, который, кроме всего прочего, был ещё и членом церковно-городского совета. Тот заинтересовался моей персоной, и изъявил желание со мной поговорить. Признаюсь, эта новость меня испугала. Внутренне я был очень недоволен своим делегатом за его поступок. Однако, видимо, чувствуя моё настроение, он поспешил заверить меня в очень благосклонном ко мне отношении. Я спросил, что мне делать. Он ответил, что ничего, просто скоро ждать звонка.

Собственно, позвонили мне через полтора часа. Входящий номер на дисплее моего телефона загорелся красным цветом. До сих пор я принимал звонки только с обычных, черного цвета, номеров. А этот красный. Ошибиться было невозможно: звонили из мери. Я посмотрел на часы... двадцать-десять... десять минут девятого вечернего времени. Долго же не гаснет свет в окнах церковно-городского совета!

На всякий случай я сел...

«Сейчас ловлю себя на ужасной мысли. Меня одолевает апатия, безразличие ко всему. Я будто умираю... или уже умер. Это ужасно! Надеюсь, состояние такое – лишь следствие усталости моего мозга, пребывавшего в крайнем возбуждении последние пару месяцев. Вспоминаю своего делегата... завидую ему, его соответствию... Блаженны не рассуждающие, ибо не делают ничего лишнего.

Написано в день, об окончании которого я не пожалею».

Из личного дневника

ГЛАВА IX

То, что все мои опасения не имели смысла, я понял менее, чем через минуту. Голос в трубке был покровительственно весел и дружелюбен. Я знал немного этого человека. Делегат ещё ранее, до последних выборов, не раз рассказывал о нём как об одном из самых прогрессивных представителей духовно-городской власти.

Не буду подробно пересказывать наш разговор с членом совета. Скажу только, что он очень расположил меня к себе. Чувствуя доверие к нему, я еще раз рассказал о своих сомнениях и мыслях, то есть повторил практически всё, о чем ранее поведал делегату.

Собеседник был очень внимателен, чувствовалось понимание. Когда я закончил, он сказал, что мой взгляд на вещи ему нравится, и что я, бесспорно, думающий человек. Вместе с тем он поспешил заметить, что не я один вижу недостатки. В частности, он мог бы рассказать гораздо более, но это не имеет смысла, потому что о проблемах нужно не разговаривать, их нужно решать. Еще он сказал о своём желании взять меня в свою команду, потому что ему нужны такие вот «думающие и горящие для Бога люди». Я поинтересовался, что это означает, и чем я лично могу быть полезен.

– О, поверь мне, работы очень много! – голос в трубке прозвучал очень протяжно и веско, – ты даже не представляешь, сколько задач стоит перед нами! Людей не хватает!

– Хорошо, скажите, если взять, к примеру, проблему, которая меня волнует... Почему нельзя просто как-нибудь донести до людей необходимость трепетного отношения к Святому Духу? Сказать им, что Он – Бог! Близкий ко всем нам, но суверенный и неподконтрольный нашим желаниям, и вообще нашим представлениям о Нём. И негаснущий огонь на площади вовсе не означает того, что Святой Дух никогда не гасится нами и среди нас.

– Прекрасно! Вот ты это и скажешь?

– Я?! Как, каким образом? – моему недоумению не было предела.

– Я помогу тебе поделиться этим своим... э-э... скажем, свидетельством... с церковью, в ближайшее время. Например, после служения, в разделе свидетельств.

Действительно, каждое воскресенье, после окончания официальной, запланированной части служения всегда выходили люди со своими свидетельствами. То есть, их, конечно же, приглашали. Но они говорили, как говорится, что у кого на сердце лежит.

– Давай так, – член совета решительно резюмировал, – я тебе ещё раз позвоню, скажу день, когда ты сможешь выступить. Ну... мы ещё обсудим немного содержание твоей речи. Нет, ты не подумай, я не собираюсь как-то тебя ограничивать! Просто искренне предлагаю помощь.

Я поблагодарил его за звонок, за помощь. Он просил не благодарить его. Ведь это его долг, его служение – помогать людям реализовывать себя в Боге.

То, что произошло потом, непросто будет объяснить. Глупость ли это моя? Или просто наваждение? Наверное, мне уже не найти ответа.

В воскресенье была замечательная, свежая весенняя погода. Служение должно было проходить на городской площади. Я решил не идти, как обычно, вместе с родителями в ближайший ретрансляционный зал, а отправился прямо на площадь.

Я не помню всего служения, о чём говорили, что пели. Вероятно, моё последующее впечатление стерло из памяти всю информацию вокруг себя. Я слышал, так бывает после сильного потрясения.

Пастырь-мер по завершению официальной части задержался на сцене и объявил, что решил сегодня сам пригласить на сцену братьев и сестёр, готовых поделиться своими свидетельствами.

– Я знаю, здесь есть молодой брат, который хочет поделиться замечательным свидетельством с нами всеми. Я верю, это очень глубокое и важное для нас слово. К

сожалению, я не знаю имени этого дорогого брата, но уверен, он знает, что ему нужно выйти.

Когда я это услышал, моё сердце упало. Неужели меня хотят пригласить? Меня же не предупредили, я не готов! С другой стороны, я действительно знаю, что должен это сделать. Но, скорее всего, это не я должен выйти сейчас.

Произошла небольшая заминка. Никто не выходил на сцену.

– Дорогой брат, - слегка повышая голос, улыбаясь, проговорил пастырь-мер, - я верю, ты должен быть где-то здесь. Не заставляй, пожалуйста, церковь ждать, она желает слышать о делах Божьих!

Неужели всё-таки я? Не может быть! Как же так?... Я старался вспомнить, о чём же мы говорили с членом совета... кажется, он обещал позвонить. А может, это и не так важно? Что особенного в моём свидетельстве? Для многих ведь, по его же словам, это не должно оказаться новостью.

– Что, никого нет?!

Люди оборачивались, недоумённо глядя друг на друга. Глупо как! Член совета потом спросит, почему я не вышел... выходит, я болтун? Как он там сказал? «О проблемах нужно не разговаривать, их нужно решать». Я вообще правильно его понял?

Кажется, ноги сами рванулись вперед, быстро унося меня по проходу.

– Ну... нет, так нет!

Я высоко поднял руку, ускоряя шаг. Люди зашептали, заерзали, кто-то громко свистнул. Наконец, пастырь-мер меня увидел.

Через минуту я оказался на сцене. Многие мои родственники, друзья и знакомые уже успели побывать здесь. Наконец, оказался тут и я. Впервые.

Взял в руки микрофон, впервые из рук пастыря-мера, впервые стою рядом с ним. Впервые вижу тысячи глаз, обращенные на меня. Какой ужас! Мой рот онемел. Не могу сказать ни слова.

– Здравствуйте, братья и сестры!

Это мой голос? Господи, помоги мне! Только бы не опозориться! Хотя... от чего будет больше позора: если буду молчать, или если всё-таки скажу то, что должен? Всё! Я говорю!

– Видите ли Вы этот огонь? Мы называем его Огнём Святого Духа. Он – часть Мемориала. Его строительство – одно из первых моих детских впечатлений. Я был совсем маленьким. Но я помню, как отсюда вон туда, до главной улицы, была вырыта длинная, метров четыреста, траншея. Вы все хорошо знаете, что там проходит трубопровод газа, главный коллектор в Светлом. А газ – вещь постоянная в нашем городе. Не менее постоянная, чем электричество. Когда мы включаем конфорку на кухне, оттуда всегда идет газ. Как и сто лет назад, огонь незаменим для приготовления пищи, а газ – по-прежнему лучшее топливо, если нам в быту необходим огонь. Почти нет запаха, красиво, практично. Такой огонь непросто потушить, он достаточно стабильно горит. Сравнительно, конечно... Никаких проблем, кругом одни выгоды. Но я хочу задать вопрос: какие у нас основания называть этот огонь Огнём Святого Духа? Разве Святой Дух горит всегда на одном месте? Разве Его трудно угасить? Разве Он нужен нам для того, чтобы создавать красоту и комфорт? Лично я так не думаю. Так откуда такое лестное название для газовой горелки? Понимаю, это просто символ... Да и давно это название было придумано... Но зачем тогда некоторые из нас склонны путать постоянство горения газа с постоянством Божьего покровительства? Что вообще такого с нами не может произойти, «пока на площади горит огонь»? Уверенность, которая держится ни на чём! Мы как будто вынуждаем Бога или потушить этот огонь, или создать нам неприятности. Неважно... Лишь бы разрушить нашу ложную уверенность...

Я перевёл дыхание и замер. Это мои слова были? Как я вообще всё это сказал?! Да еще с такой уверенностью! Перегнул палку? Может, извиниться?..

Рука опустилась на моё плечо, заставив вздрогнуть. Пастырь-мер, улыбаясь, давал знак передать ему микрофон. Я подчинился.

– Спасибо, дорогой брат! Можешь идти. Какое замечательное поколение растёт! Конечно же, мы не придаём газовым горелкам такое уж большое значение, но всё равно спасибо. Церковь! Господь ведь нас очень любит!?

Церковь отозвалась одобрителем гулом. Он продолжил.

– Любит из-за своего драгоценного Сына! Мы чувствуем Его любовь во всём, несмотря ни на что! Он терпелив и милостив к нам, по благодати своей и великой любви! Он не оставит народа своего!

Ещё прежде, чем я вернулся на своё место, сразу понял: проблемы нажиты! Ещё никогда я не видел в глазах людей такого холода и недоверчивого недоумения. До самого дома эти взгляды, в большинстве своем незнакомых мне людей, сопровождали меня. Знакомые же практически все делали вид, будто не заметили меня, переходили на другую сторону улицы, заворачивали, и всё в таком же духе...

Родители были уже дома. Отец на балконе читал газету – верный признак плохого настроения. Мама только что плакала. Её красные глаза поднялись на меня. Жалость, страх, недоумение и материнскую любовь прочёл я в них.

Несколько часов просто выпали из моей жизни. Я ходил по комнате из угла в угол, плохо соображая. Всё было похоже на дурной сон. В реальности ничего подобного произойти не могло, особенно со мной. Кто-нибудь, возможно, и мог бы вот так запросто стать героем дурацкой ситуации, шокирующего для общественности события, только не я.

И ведь сразу же хотел извиниться, как-то сгладить этот эффект... наезда, что ли. Сослаться на головную боль, в конце концов! Враньё, конечно... Но глупо-то как теперь, противное состояние!

В дверь позвонили... Почему никто не идёт открывать? Спят, что ли? Я вышел из комнаты, обошёл квартиру. Никого нет!

Пока я ходил, позвонили второй раз. Надо же! Там, видать, уверены, что кто-то здесь есть! Не хочу открывать! Настроение не то...

Постучали. Придется открыть... Открыл.

На пороге стояла помощница пастыря-мера по связям с общественностью. Я её сразу узнал, она на городском телевидении часто выступала. Молодая ещё женщина представительного вида, около тридцати пяти лет. Совершенно некрасива, но ухоженность придавала ей некий шарм. Что, всё так серьёзно со мной?

– Почему не открываете? – улыбаясь, спросила она, и смело переступила порог.

– Я думал, родители дома. А их нет.

– Может, это и к лучшему... Мне нужно с тобой поговорить, - она вдруг перешла на «ТЫ».

Я робко предложил сесть.

– Кто же тебя так обидел? - спросила женщина, поправляя юбку, чтобы сесть. Сев в кресло, она внимательно уставилась на меня.

Я начал лепетать.

– Почему обидел?... Никто не обижал... Я хотел потом извиниться, слишком резко вышло. Я не так хотел...

– Зачем вообще было на сцену подниматься? Тебя, что ли, приглашали? Впервые такое вижу!

Стоп! А как она меня нашла?

– А как Вы меня нашли?

– Твой Делегат подсказал. Сам позвонил, спросил, как это ты в список попал.

– В какой еще список?

- В мой список! Я назначаю людей выступать со свидетельствами.
- Я не знал о списке... Подумал ведь ещё, что это не меня приглашали...
- А кто тебе сказал, что должны были?
- У меня разговор был с членом совета. Он обещал...
- С этим вот твоим посланием?! – она удивленно уставилась на меня.
- Ну да...

Помощница тут же набрала члена совета. Спросила насчёт меня, а потом долго слушала, кивая головой. Наконец, положила трубку. Посмотрела на меня ни то с жалостью, ни то с грустью.

– Ну что с тобой делать? Тебе люди помочь хотят, а ты их так подставляешь. Никто тебе ничего обещать не мог, ты ведь на делегатском замечании.

- А что это?
- Твой делегат с тобой разговаривал?
- Да, но всё нормально было.

– Не знаю, что там было. Но ты на замечании, твой делегат должен еженедельно отчитываться перед своим наставником по поводу твоего духовного состояния, если уж это тебя так интересует.

– Наставник – это ведь член совета! И он же мне давал обещание.

Она отмахнулась.

– Не мог он ничего дать! Он интересовался твоим состоянием, пытался помочь разобраться в себе. Он мог, в конце концов, обещать что-то, но только на будущее.

– Нет, он сказал: «в ближайшее время». Я хорошо помню. Значит, он просто ввёл меня в заблуждение. Ловкий политик, ничего не скажешь! Если бы у меня была возможность поговорить немного с пастырем-мером, я мог бы всё объяснить.

– Ещё чего не хватало, - возмущённо воскликнула она, - пастыря-мера ждёт множество людей по реальным проблемам города! Не нужно валить с большой головы на здоровую. И не тебе давать оценку людям гораздо старше и больше тебя!

– Зачем же Вы пришли? Что Вы теперь от меня хотите?

Моя собеседница наклонила голову и покачала ею.

– Надо же? И ни капли раскаяния! Подставил и сбил с толку кучу людей, и хоть бы что! Ничего я от тебя больше не хочу. Пока что! Всё, что нужно было узнать, я узнала. Завтра у нас будет подготовка к делегатскому съезду, я дам пояснения, тогда и решим. Я тебе позвоню завтра. А вообще, займись, дружок, хорошим делом, не страдай ерундой. До свидания. Я позвоню.

Она ушла, оставив меня в полной растерянности. Стыд охватил мою душу. Не хотелось ничего делать. Не хотелось ни о чём думать. Тоска...

Вдруг я услышал тихий стук в дверь.

«Ненавижу себя! Грех так говорить, но что я могу сделать? Меня накрывает такой досадой и злобой на самого себя, что не могу сдержаться, и вслух кричу оскорбления в свой адрес. Дикость! Но удивляться нечему: апатия переросла в досаду. Не подозревал, что внутри меня столько гадости. Пока лежит на дне сосуда, её не видно. Стоит сосуд этот лишь немного потрясти, как она поднимается в виде пены и сразу вышибает пробку.

Написано в день, который я ненавижу».

Из личного дневника

ГЛАВА X

На пороге стоял пожилой человек. Я молча отошёл от прохода, приглашая его войти. «Наверное, тоже из Мери, или ещё откуда-нибудь», – подумал обречённо. Подумал, и сразу засомневался. Не видел никогда при Мери таких субъектов. Вид какой-то забитый, типичный пенсионер. Причём с лёгким налётом какого-то интеллигентского нафталина. Короче говоря, не из нашего времени персонаж.

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Тут из Вашего подъезда только что одна высокопоставленная особа вышла. Не от Вас, часом?

– Спросили бы у неё!

– Она меня не заметила, и я этому рад. Ни к чему мне эта встреча.

Пришло моё время удивляться

– Кто же Вы такой? Зачем пришли?

Видя его нерешительность, я пригласил сесть. Он сел. А спустя минуту, как бы собравшись с мыслями, заговорил.

– Я тут рядом живу. Возможно, Вы меня не знаете, но я-то Вас хорошо знаю. Я работал с Вашим отцом до выхода на пенсию. Вы ведь теперь работаете в его цехе?

Я кивнул. Он снова замолчал, глубоко вздохнув. Стараясь быть вежливым, но, тяготясь разговором, я произнёс:

– Вы знаете, у меня неприятности... Отца сейчас нет...

– Я не к отцу, я к Вам. Я догадываюсь о неприятностях. И понимаю, почему эта дама приходила. Примерно понимаю... Скажите, а кто Вас надоумил такое выдать сегодня? Как вообще выпустили?

– Никто меня не выпускал. Это была ошибка, необдуманный порыв, о котором я теперь жалею. Кто надоумил? А никто. Вернее, я не знаю... Может, Бог... А может... не знаю.

– Любопытно, - задумчиво прошептал мой странный гость, - уже много лет я не слышал ничего подобного во всеуслышание.

Я озадаченно нахмурился.

– Кто же Вы такой?

– Я был когда-то одним из учеников пастыря-основателя... Я пришел Вам сказать, что лучше бы Вам уехать на некоторое время из Светлого. Вы наверняка не понимаете сути произошедшего, не предвидите развития ситуации. Ничего страшного как будто и не случится. Но морального давления не выдержите, скорее всего. Или Вас поломают, или всё равно уедете. Так лучше уж сейчас. Хотя бы на полгода, а потом уж и вернуться можно.

Надо же, ученик пастора-основателя! И такие странные вещи говорит!

– Очень приятно, рад встрече. Но предложение Ваше очень странное. Если я испытаю какое-то давление, то это будет вполне заслуженно. Существует определённый порядок, общий для всех. Его нельзя нарушать. Я думаю, что порядок был установлен Богом. Если каждый, кто вздумается, будет его нарушать, настанет хаос. А хаос приведёт к упадку.

– Пожалуй... Но, с другой стороны, не так уж просто понять: где заканчивается порядок, и начинается произвол, - сказал он, слегка прищурив глаза.

– Да, но как же без порядка и организации? - удивился я.

– Организация нужна. Но людям ведь не сама организация так важна. Важен контроль, который она осуществляет. Вот он-то и является проблемой, - заметил он.

– Без контроля анархия начнется!

Мой пожилой гость сосредоточенно пожевывал губы. Было видно, что он собирается с мыслями, и хочет сказать важное. Через полминуты он произнес:

– Анархия заложена в падшей человеческой природе. Падший человек анархист по своей сути. Он протестует против основ Божьего мироздания. Мы анархисты независимо от того, позволяют ли нам проявлять свою природу, или нет. А контроль как раз для того и

существует... чтобы не позволять. Он, как фиговый лист, лишь прикрывает проблему. Но никогда не решает ее.

– Что же делать? - меня заинтересовал ход его мыслей.

Брови собеседника слегка приподнялись:

– Как что?! Лишить организацию контролирующей функции.

Я усмехнулся:

– Вы что-то не то говорите. Как же насчет увещевания, обличения, анафемы, предания сатане и прочее?... Слово Божье говорит об этом.

– Слово Божье говорит, все верно. Только при чем тут организация? Часть того, о чем Вы, молодой человек, сказали, просто делает церковь, как община, понимаете? Часть делают зрелые христиане, берущие на себя ответственность за происходящее. Можете назвать их пасторами, епископами, пресвитерами... неважно, я говорю о сути. Иногда твердая позиция одного человека может сделать больше, чем огромная фискальная машина! Он даже может выступить против всей машины. Один! И победить! Если он готов к этому, и если Бог на его стороне. Так что не приписывайте, пожалуйста, организации то, что изначально ей не было дано.

– Что же тогда... к чему Вы клоните, в конце концов?

Его лицо снова стало задумчивым:

– Не знаю, доживу ли я... Но когда-нибудь... надеюсь, скоро... появятся люди, которые не будут больше бояться анархии. Не будут вообще бояться никакого неприятного и вопиющего проявления плоти. Потому что будут знать: рожденный от Духа, в конце концов, проявляется как духовный не потому, что его плоть ограничивают. А потому что Дух, живущий в нем, воздействует на него изнутри. Я надеюсь, что Вы станете однажды одним из таких, знающих, людей.

– Станный Вы человек, - недоуменно произнес я, покачивая головой, – Идеалист! А если человек не рожден от Духа? Или немощный настолько, что Дух просто не может никак в нем проявляться? Что же тогда, погнать их всех, таких людей, из церкви?

– Погнать нельзя. Это духовная реальность, в которой нужно жить. Не стоит искать легких путей. Вот, я хочу Вас спросить, - гость сложил руки на груди, – Что заставило Вас встать перед всей церковью и заявить о состоянии, в котором она находится?

Я горько улыбнулся:

– Все очень просто! Некоторые невежественные люди заменили живой огонь Святого Духа на газовую горелку... фактически, стали поклоняться идолу, другому богу, не Тому, которого изначально познали. И я не понимаю, почему пастырь-мер и все уважаемые христиане города так снисходительно к этому относятся.

– Не-е-ет! Не совсем так! Люди ничего не выбирали. Если Вы не заметили, большинство людей не способны сами выбирать. За них всегда кто-нибудь делает выбор. Кто-то предложил такое положение вещей, а остальные его в той или иной степени приняли. Газовая горелка вместо Святого Духа – это просто часть системы. Ну... я Вам сейчас объясню... Религиозная организация, которая пребывает в страхе перед анархией, заложенной в падшей человеческой природе, подавляет ее контролем. Не просто подавляет! Она стремиться забетонировать ее наглухо! Но бетонированная поверхность, согласитесь, не слишком приглядно выглядит. Серо и уныло. Поэтому на ней высаживают цветочки... А когда увидят, что никто не возмущается... мол, цветочки ведь в бетоне не растут... вот тогда объявляют все это цветущим Божиим Садам! Чего уж мелочиться... Поэтому газовая горелка – это всего лишь один декоративный цветочек в бетоне, высаженный религиозной системой. Но Вы должны увидеть всю эту искусственную зелень.

– Да... Мрачновато все у Вас как-то, - медленно протянул я.

– Мой милый друг! Там, где плоть подавляется системой контроля, там нет места Духу. Система бесчувственна к движению Духа, она подавляет его вместе с плотью. Так что если видишь стремление людей к тому, чтобы все было красиво и без проблем... жди, что они зажгут газовую горелку, и будут выдавать ее за вечно пребывающего с ними Святого Духа.

– Скажу Вам честно, - сказал я, наконец, задумчиво глядя на своего странного гостя, – я не думал об этом так серьезно. Мне, конечно, не нравится существующее положение вещей. Но я не могу пока согласиться с Вашей мыслью о том, что произошла полная, чуть ли не намеренная, подмена.

– Злого умысла здесь нет. Христианам иногда свойственно сбиваться с узкого пути обозначенного Христом, взамен на более широкий. Да... Я это вижу, не можете... Ну, ладно... Всеми свое время... Потому я и предлагаю пока уехать, иначе неожиданностей может оказаться слишком много для Вашего, как я вижу, только что пробудившегося и неокрепшего ещё духа. Родственники где-нибудь есть?

– Нет, как будто. Да не поеду я никуда. Зачем?

– Ну, как знаете. Но на всякий случай, имейте в виду мою сестру, она живет за городом, километрах в двадцати. Я её предупрежу.

Он написал на листке бумаги название посёлка и имя сестры.

– Спасибо. Только это как-то нелепо. От чего мне бежать? – я пожал плечами.

– Ну, тогда будьте здоровы!

И он сразу ушёл. Станный старик, подумал я. Какой-то запуганный.

Я уже лёг спать, когда услышал щелчок замка и шёпот родителей. Как поздно они пришли, никогда такого не было! Жизнь меняется слишком быстро.

«Сегодня с самого утра стараюсь привести себя в порядок.

День замечательный, солнечный! Навел марафет на поляне, наломал очень много сухих веток.

Много размышляю над своим положением. Очень стыдно за последние три дня. Вёл себя безобразно! Его это сильно угнетало, я знаю. Он еле горел. Стыдно, в общем...

Нечего больше сказать... кроме, разве что... Господи, помоги, измени хоть что-нибудь в моём беспросветном существовании! Из второй депрессии я могу не выбраться...

Написано в день примирения с собой».

Из личного дневника

ГЛАВА XI

Утро понедельника. Рабочий день.

Было сильное внутреннее напряжение, вызванное, как мне показалось, всеобщим вниманием к моей персоне. Вспоминая сейчас тот день, я так и не могу понять: меня осуждали вообще или просто подозревали?

На планёрке у начальника цеха меня ни о чём не спрашивали, что было нетипично. Хотя я и молодой специалист, но никто обычно поблажек мне не делал. Но в этот раз по моим вопросам обращались к другим людям, чаще всего к старшему инженеру. А я просто сидел и слушал. Если ловил чей-то взгляд, его либо отводили, либо как-то вяло улыбались.

Из-за этой, казалось бы, мелочи, нервы были на пределе. Я знал причину. Переступить через себя и быть таким, как обычно, оказалось выше сил. Дальше всё пошло наперекосяк. Коллектив общается, временами даже шутит, а я молчу. Никто меня будто бы и не изгонял из общения. Но и не поощряли, не подключали к разговорам. Не спрашивали, что случилось.

В итоге моя продуктивность была хуже некуда. А в конце дня никто не проверил мою работу. Это было хорошо, так как я хотел задержаться, чтобы «подогнать хвосты». Старший инженер спросил, почему не уйду. Мой ответ о большом объеме работы его вполне

устроил, и он ушел, хотя прежде всегда вникал в причины. Я сидел один в цеховом офисе, всё больше сознавая трудность своего положения.

Идя домой по тёмным улицам (что тоже было весьма кстати в силу моего состояния, так как не хотелось никого встретить), я твёрдо решил со следующего утра жить как ни в чём не бывало.

Но дома меня ждал гость... Вернее, гостья.

Помощница пастора-мера по связям с общественностью мило беседовала с моими родителями. Они все сидели на кухне, пили чай, и не слышали моего прихода. Но когда я заглянул поздороваться, улыбки исчезли с их лиц. Пока я мыл руки, гостья перешла в гостинную. Родители остались на кухне. Мама дала мне бесшумный сигнал, чтобы шёл к гостье.

Женщина сразу сказала мне, что зашла ненадолго, только по одному вопросу.

– Я понимаю, что тебе нужно ужинать, ты пришёл уставший с работы. Поэтому сразу к делу. После вчерашнего случая с твоим несанкционированным выходом на сцену у нас (у совета!) появилась лишняя работа.

Она была явно раздражена.

– Поэтому на делегатском съезде, который состоится послезавтра, будет предложено ввести новое правило для выступлений со свидетельствами. Свидетельствующие должны будут выходить на сцену только вместе со своими делегатами. Ввести это правило планируется в ближайшее воскресенье. Но ты должен в это же воскресенье исправить свою ошибку, и публично извиниться.

– Это ещё зачем? – я удивился и испугался одновременно.

– Потому что ты неправ, – спокойно ответила она.

– Но я в этом не уверен. В конце концов, Вы спокойно могли бы обойтись и без моих извинений. Да, вчера я хотел извиниться, а сегодня уже нет. Когда созрею, тогда извинюсь. Если созрею... Пока я никакой вины не чувствую.

Эта дама начинала мне сильно не нравиться. Похоже, чувство было взаимное. Она почти взорвалась.

– Ты хочешь выставить нас ханжами и лицемерами?!

Лицемерами? Почему лицемерами?!...

В ту же секунду я всё понял. Она пришла ко мне сегодня, и придёт еще завтра узнать ответ. А ответ должен быть обязательно положительным. И поэтому разговор с родителями в моё отсутствие оказался весьма кстати. После её ухода мама наверняка начнёт меня уговаривать. А в среду на делегатском съезде «они» спокойно протолкнут своё решение. Собственно, «они» и так его протолкнут без проблем, можно не сомневаться. Но с моим покаянием они это сделают именно спокойно. Спокойствие – важный фактор. Никто никого не заподозрит в лицемерии и ханжестве, если я выйду и публично извинюсь. Даже если я ничего не скажу, а просто постою немного с виноватым видом, это уже будет хорошо. Их решение сразу предстанет как панацея, решение проблемы. Больше ни один шизофреник вроде меня не вылезет просто так на сцену со своим особым мнением, и ему не придется потом извиняться за своё безрассудство. Таким образом, если я признаю свою вину, моё свидетельство ни под каким видом нельзя будет больше назвать посланием от Бога. Это будет просто очередное ошибочное человеческое мнение. Но человеческому мнению вход на сцену запрещён! Он разрешён только слову от Бога! Так что – панацея! С какой стороны не посмотри...

Что же мне делать? Отказать ей сразу?

– Ну, хорошо. Я подумаю, и завтра дам Вам ответ.

Это я сказал?!

– Вот, я вижу, что здравый смысл присутствует, – с улыбкой облегчения сказала она.

– Да...

Слово из двух букв, сказанное безвольным голосом – единственное, что я оказался способен выдать под напором упрямой воли человека, знающего чего он хочет. Я просто струсил...

Она ушла, я отправился ужинать. Мама села рядом. Её лицо приняло несколько озабоченное выражение. Лишь только она собралась что-то сказать, как я её перебил.

– Мама, не надо! Я знаю, что ты хочешь сказать. Всё будет хорошо, я приму правильное решение. А сейчас мне нужна тишина. Я устал, мне завтра рано вставать.

Мама только вздохнула и вышла.

Ночь была бессонная. Ворочался с одного бока на другой. Всё вспоминал слова того таинственного старика, который вчера был у меня. Я действительно не понимал сути произошедшего. Лучше бы уехал сегодня, как он и предлагал. Но не хотел ведь! А теперь как будто захотелось. Всё равно куда. Мой внезапный отъезд после вечернего разговора будет уже явным проявлением трусости, разве не так? А я и есть трус! Уже струсил...

Даже ведь не знаю, где этот старик живёт.

«Пришло время назвать вещи своими именами... Я малодушен и слаб! Именно! Я все время думаю о своих несчастных обстоятельствах, жалею себя... заиклен, короче, на своей персоне. Но вопрос, который пора себе задать, вот он: что стоит между мной и Богом? Что разделяет меня с моим Богом?! Что-то ведь есть! Иначе, почему я чувствую себя таким одиноким? Обстоятельства не в счёт! Они не лишили меня чувства Божьего присутствия. Я одинок, потому что скучаю по людям. Знаю, что это временно. С самого начала был уверен. Однако не было ни одного целого дня, чтобы я наслаждался присутствием Бога. Были отдельные минуты, реже часы... не более того. Вот я и думаю: что стоит между мной и Богом?

Написано в день трудных раздумий».

Из личного дневника

ГЛАВА XII

Утром мы с отцом собираясь на работу вместе. Раз в неделю, по вторникам, он приходил в цех, передавал, как особенно ценный и старый специалист, опыт молодому поколению. То есть, таким оболтусам, как я.

Решил спросить его за завтраком, стараясь быть как можно более непринуждённым.

– Я слышал, с тобой в отделе работал бывший ученик пастора-основателя. Почему никогда не говорил?

– А что тут такого? Мало ли кто и кем когда был?

Отец махнул рукой, явно не желая продолжать.

– Смешная у этого бывшего ученика фамилия! – я решил схитрить.

– Смешная? Фамилия как фамилия - ***, чего смешного? – удивился он.

Так! Фамилия уже есть. Продолжим.

– Как по мне, то немного смешно... Он ведь здесь рядом живёт? А где именно?

– А зачем тебе? – насторожился отец.

– Просто скажи, и всё! А то я начну думать, будто ты чего-то боишься. Что особенного-то в моем вопросе?

Кажется, цели я достиг. Он растерялся и только плечами пожал. А потом указал рукой в сторону высокого дома в квартале от нашего.

Мне стыдно говорить об этом, но тогда я соврал. Сказал отцу, что очень тороплюсь на работу, мол, нужно быть там раньше. И убежал. Не знаю, почему сделал так... Ведь всё обнаружится, как только он переступит порог цеха.

А убежал, разумеется, к своему таинственному знакомому. Теперь я нуждался в его помощи. По списку жильцов отыскал квартиру, поднялся на нужный этаж, позвонил. Но никого не оказалось дома. Как жаль...

Быстро спустился и побежал на работу. Я мог ещё обогнать отца, поэтому бежал, что называется, вприпрыжку. Проскочив через проходную, на лестнице вдруг встал, как вкопанный.

Не могу так больше! И не хочу! Пускай всё катится!.. Возьму две недели за свой счёт... А там будет видно. Я действительно оказался не готов ко всему тому, что в один миг навалилось на мою психику!

Сымитировав ни то головную, ни то зубную боль, по старой школьной привычке прогульщика, я побрёл писать заявление. К счастью, на его подачу успел до планерки. Начальник внимательно прочёл моё заявление, потом посмотрел на меня. Я постарался сделать хотя и вежливый, но очень решительный вид. Видимо, мне это удалось, потому что после второго прочтения он поставил резолюцию. Возможно, была и другая причина, заставившая нашего грозного начальника отпустить меня в тот же день. Но об этом я, наверное, никогда уже не узнаю.

Через полчаса я был уже свободен, как ветер. С отцом разминулся. Он меня на работе так и не увидел. Заскочив ещё раз к ***, и опять не застав его дома, я оставил записку. В ней сообщалось, что я направляюсь к его сестре, и надеюсь не причинить ей никаких неудобств. Благодарил за предложенную ранее помощь.

Затем набрал домашний номер телефона. Никто не брал трубку. Стало быть, мамы нет дома. Очень хорошо! Не придётся тратить время на объяснения. Тоже оставлю записку.

К полудню я уже пересёк городскую черту. В рюкзаке одежда и немного еды, в кармане денежные карты. Что ещё нужно?

Уходил из города безлюдными тропами. Не хотел ни с кем встречаться. Была у меня тогда своего рода мания, что моё лицо знает теперь весь Светлый. Так пусть никто и не догадается о направлении моего исчезновения.

За городом взял попутку, которая, по словам водителя, должна была проезжать в двух километрах от нужного мне посёлка. Вскоре он меня высадил, и показал рукой, куда нужно идти.

И я пошёл.

«Нет больше сил ждать. Сегодня всё решится!

Написано в день, который я считаю последним».

Из личного дневника

ЧАСТЬ 2

Сказочно-фантастическая

ГЛАВА I

Два километра – это ведь не более получаса ходьбы, верно ведь? Только не в моём случае. Асфальтная дорога сменилась грунтовой, а потом и вовсе стала просёлочной. Откуда-то взялась густая лесополоса. Начало темнеть. Когда в четыре дня темнеет, это нормально... для февраля! А для мая, кажется, не очень.

Страх пополз по моей коже. Метрах в пятидесяти я отчётливо слышал странный звук. Как будто миллионы комаров сгустились в одном месте. Жужжание, свист и шум множества маленьких пропеллеров – вот на что это было похоже. Стоя посреди тропинки, затаив дыхание, я слушал это сводящее с ума... непонятно что. Оно отдалялось, через пару минут наступила почти полная тишина. Даже птичьи крики стихли. Даже ветер не трогал ветки деревьев. Я пошёл дальше. А минут через десять, как раз когда я стал уверенным в том, что заблудился, звук послышался опять. Казалось, он движется, следует моим же направлением. Но только немного медленнее, поэтому я всё время его догонял. Вообще-то забавного было мало, я ни на шутку испугался. И абсолютно серьёзно собирался повернуть назад, ведь в пункт назначения я уже наверняка не попадал.

Но потом передумал, и продолжил путь. Во-первых, если бы я вернулся, то искать правильную дорогу больше не стал. Было уже темновато, что, конечно, смущало, взирая на слишком раннее для заката время. Но даже если сейчас темнота могла быть связана просто с пасмурной погодой, часика через полтора – самое время для потемнения. За это время я мог просто не успеть попасть куда хотел. Пришлось бы возвращаться в город? Ни за что! Во-вторых, в этом районе не могло быть большого леса или болота, я это наверняка знал. Это дачный район. Так что выйти к людям я должен был гарантированно. В-третьих, что за глупость?! Чего мне бояться?

Догоняя вот так звук во второй раз, я отчётливо стал различать его где-то у меня за спиной. Какая странность! Он меня обошёл? Потом показалось, что он всё-таки впереди. На самом деле, он был везде, окружил меня. С этого момента темнеть стало практически на глазах. Страшно было так, что бросало в холодную дрожь! Но как только стемнело окончательно, до мрака безлунной ночи, звук исчез. Моментально! От этого было ещё страшнее. Я стоял, прижавшись к дереву, вертел головой, будто ожидал нападения. Но вдруг появилась яркая луна, осветив собой контуры всех окружавших меня неподвижных предметов. И, как будто получив разрешение, включились звуки ночного леса: уханье совы, приглушенное щебетание каких-то маленьких птичек, свежий ночной ветерок, приносящий и уносящий ни то пыль, ни то мошкарку, треск насекомых... и почему-то сухих веток! Но ветки не трещат так под ногами, они так трещат только когда горят.

Где-то очень близко горел огонь, но я его не видел. Пойти на него?

Осторожно ступая, я двинулся в предполагаемом направлении. Мenee чем через двадцать шагов увидел костёр. Он горел посреди небольшой поляны, которая была чуть выше того места, где находился я. Возле костра сидел человек. Он был один. Никакой палатки или, скажем, автомобиля я не увидел. То есть вообще никаких следов пикника или туристической стоянки. Просто одинокий человек возле костра. Он сидел, подкладывая ветки в огонь и тихонько что-то напевал. Вот именно его пение и вызвало во мне чувство некоего доверия. Голос у него был приятный, добрый. И песенка не из тех, которые поют, знаете ли, социально опасные люди. Впрочем, я таких людей в своей жизни и не видел. Потому и не мог знать того, что даже страшные злодеи поют иногда детские песенки. Так или иначе, я направился к нему.

Заметив меня, человек у костра замер. Но потом, почувствовав мою нерешительность, сам замахал рукой, как бы приглашая. Я окончательно осмелел, подойдя к нему на расстояние двух метров.

– Наконец-то, - произнёс он тихим, немного низким голосом.

Я смутился. Мне тогда показалось, что он сказал это, имея в виду мою неуверенность. Не увидев в этом ночном незнакомце ничего подозрительного, я сел как раз напротив него

на куске бревна, служившем, видимо, своего рода стулом. И сразу, ещё смущаясь, поднёс руки к огню, как бы грея их, хотя холодно мне не было.

– Куда путь держим? – тембр голоса оказался не таким уж и низким, скорее похожим на мой.

– Заблудился, - ответил я почему-то виноватым тоном, - направлялся в посёлок ***, но куда-то не туда занесло.

– Чего ж так? – манера его вопроса показалась мне издевательской.

– Я попуткой добирался, и водитель сказал, что тут совсем недалеко. Да я и сам знал... Непонятное что-то...

– Да, непонятного в жизни много бывает, - протянул он. – Может, чаю?

– Спасибо, не откажусь... Так далеко ли отсюда до посёлка?

– Боюсь, что далековато. Придется подождать до утра. Уже поздно... Вот чай.

Сказал, и лёг спать.

И тут я вспомнил об удивительно быстром потемнении. Почему «уже поздно»? По моим прикидкам, так не более шести вечера. Взглянул на часы. Они стояли. Достал телефон. Связи не было, а электронные часы показывали «0.00». Навигация тоже не работала. Мне стало жутко: что же это за «бермудский треугольник»?!

Этот мой новый знакомый тоже заблудился? Кто он, как его зовут?

Я не мог уже ни о чём его спрашивать, потому что он уже спал самым безмятежным образом. Будить его было неудобно. К тому же он мог рассердиться, узнав, что я бужу его по пустякам. Будучи теперь наученным очень осторожно делиться с людьми своими мыслями и чувствами, я решил терпеливо ждать, пока он проснётся. Выпил ещё одну чашку чая, съел яблоко... И вскоре сам захотел спать. Ещё раз взглянул на спящего: он точно не притворяется? В досаде я плеснул остатки чая в огонь, ожидая громкого шипения. Но вместо этого огонь расступился, как бы поглощая воду, и сомкнулся вновь. Я такого никогда не видел, но вместе с удивлением почувствовал почему-то стыд.

Веки тяжелели буквально с каждой минутой. Последнее, что я видел, была утренняя заря на горизонте. Заря? Как, уже заря?

ГЛАВА II

Проснулся оттого, что меня трясли за плечо. Открыв глаза, я пытался понять, где нахожусь. Состояние было сонное, как будто спал я не более трёх часов. Но солнце стояло уже очень высоко, видимо был уже полдень, или около того.

Почти насильно открыв глаза, я стал внимательно разглядывать всё, что было сокрыто в ночное время. Особенно интересовал человек, столь любезно приютивший беглеца из каменных джунглей. Обычный парень, не особенно выразительной внешности: среднего роста, русоволосый, привычный славянский тип. Небольшая борода и усы, заросшесть такая. Лет на пять старше меня и немного шире в плечах. Он был одет и собран так, будто собирался уходить. Возле ног стояла спортивная сумка, пухлая от вещей.

– Не знаю, понимаешь ли ты, - видя, что я моложе, он перешёл на «ты», - но мне пора уходить, а ты должен остаться.

Только после его слов я заметил, насколько обжитое само место. Всюду вокруг костра лежали причудливого вида камни, ветки и брёвна. Всё это располагалось так, словно над этим явно кто-то думал, расставлял, раскладывал. Похоже, здесь жили. Не день, не два, а недели, возможно, месяцы или даже годы. Напоминало стоянку первобытных людей.

– Нет, не понимаю, - я ухмыльнулся, решив, что он шутит. Но он был серьёзен.

– Тем не менее, это так!

– Звучит как угроза.

Я прямо посмотрел ему в глаза, давая понять, что не боюсь.

Он засмеялся.

– Я не угрожаю. Думаю, ты сам не сможешь никуда уйти. Куда бы ты не пошёл, не позже, чем через пять минут вернёшься на это место. Можешь проверить, я пока не буду никуда уходить.

Недоверчиво поглядывая на него, я потянулся за рюкзаком. Проверил вещи, пишу. Пощупал карманы, на месте ли денежные карты и документы. Всё было на месте. Внутренне чувствовал, что его словам можно верить, я действительно «влип». События вчерашнего вечера уже убедили меня в необычности обстоятельств. Тем не менее, встал, взял все вещи и, не прощаясь, пошёл прочь. Идти старался прямо, никуда не сворачивая и не отклоняясь.

Так и есть! Примерно через триста метров я вернулся к поляне, немного в стороне (около 45 градусов) от места, откуда ушёл.

Вернулся. Бросил рюкзак на прежнее место и вопросительно посмотрел на парня.

– Как это понимать?

– Вряд ли тут можно объяснить что-то научно. Дело всё вот в этом огне.

Он кивнул в сторону костра. И тут я взорвался.

– Что это за бред?! Кто это придумал? Меня разыгрывают? Я не подхожу ни для каких дурацких игр! Меня ждут в посёлке, и если я не появлюсь, позвонят моим родителям в Светлый. А уж они поднимут на уши все поисковые службы!

Ну и что-то еще я говорил, в таком же духе. Всё это время он кивал и всячески пытался меня успокоить. Достигнув предела возмущения, я сел и уставился на него. Он только покачал головой.

– Мне следовало бы просто уйти, пока ты спал... Никто ничего не организовывал! Это сверхъестественное место. Его нет ни на одной карте. Поверь, я такая же, как и ты, жертва обстоятельств. Меня тоже ждут дома. Все люди, которые здесь когда-либо находились, попадали сюда не по своей воле. Если ты думаешь, что находишься в 20, 100 или 500 километрах от своего дома... то есть считаешь, что знаешь своё географическое местонахождение, то, скорее всего, ошибаешься. Никто из хранителей огня не попадал сюда через тот же вход, что и предыдущий. И выходы у всех тоже разные...

– Хранители огня? Интересно..., - я зло засмеялся, - это прямо как в дешёвом фэнтези.

– Я понимаю, это очень странное звание... Но здесь есть место только для одного. Если приходит второй, значит – первый свободен, он может идти туда, откуда пришёл. А второй остаётся, он не может никуда уйти. Спрашивается: почему здесь всегда кто-то сидит? Только ради огня! А огонь этот – особенный. Ты ещё поймёшь...

Я молчал. Он облегчённо вздохнул.

– Ну, мне пора. Я пошёл.

– Я с тобой!

Он засмеялся.

– Ну, давай.

Я взял вещи, и мы пошли.

– И давно ты здесь? – спросил я «хранителя огня», теперь уже, кажется, бывшего.

– Это невозможно сказать. Подозреваю, что времени здесь нет вовсе. Так что может день, может месяц... а может и год... Но если по привычному ощущению времени, то около полутора месяцев.

– Полтора месяца?! Я же издохну с голода! У меня только пара бутербродов и три яблока. Воды совсем мало осталось!

– Ты уже что-то здесь ел?

– Только яблоко.

– Ну, тогда у тебя четыре яблока! - почему-то веселясь, сказал он.

– Ха! Вот мы и вернулись! – вырвалось у меня, потому что перед нами вновь развернулась столь опостылевшая уже поляна с костром по центру.

Но рядом уже никого не было.

Рюкзак с размаху полетел на землю. В бешенстве я пинал его до тех пор, пока из него не потекла вода. Внутри лопнула бутылка, и мне больше нечего пить. Хотя такую бутылку раздолбать было непросто, мне это удалось. Впрочем, это неважно. Всё равно меня ожидала

смерть. После нескольких дней мучений умру от голода и жажды. Я вынул искорёженную бутылку из рюкзака, выпил остатки воды и со всей силы запустил в чашу леса.

В этот момент прогремел гром и хлынул дождь. Запрокинув голову, я жадно глотал попадавшие в рот капли. Всё-таки это, наверное, последний дождь в моей жизни. Потом будет обезвоживание организма, и... конец.

Дождь скоро закончился. Я опустил голову, закрыл лицо руками.

Не помню, как долго я так просидел. Но когда пришёл, наконец, в себя, начало уже темнеть. Вообще, режим убийственный. Здесь сутки пролетают, наверное, втрое быстрее.

Я подсел ближе к костру и стал рассматривать языки пламени. Что особенного в этом огне? Кроме того, конечно, что водой его не потушить. Ведь шёл сильный дождь, ливень можно сказать, а ему хоть бы что! И, кстати, я не бросил в него ни одной ветки за всё время. Зачем я ему нужен? Или не ему, а тому, кто за ним стоит...

А кто за ним может стоять? Это человек? Бог? Дьявол?

Рассудим логически... Для человека всё это слишком сверхъестественно, слишком могущественно. Человек, пожалуй, быть не может. Дьявол? Но я не готов признать за ним такую силу. На уровне «козней» я еще могу признать дьявола. Но не может у него быть никакой своей особой, неподвластной Богу, территории, куда он может безнаказанно завлекать людей! Но может ли он это делать с Божьего соизволения, как в случае с Иовом? В принципе, может. Но всё, что дьявол делает с Божьего соизволения, делает фактически Бог. Он лишь использует дьявола как орудие.

И вот самый важный вопрос: если за всем этим стоит Бог, то зачем это Ему? И вообще, в природе ли это Бога: играть так с людьми, спасёнными жертвой Его Сына? Ведь меня всегда учили, что Господь уважает наш выбор и нашу свободную волю. Сейчас же я оказался в ситуации, когда у меня нет ни того, ни другого. Разве не так?

В животе заурчало. Голод здесь, наверное, тоже в ускоренном темпе приходит. Хотя нет. Я ведь сегодня ещё не ел. Стало быть, организм живёт в своём ритме, для него пока утро, даже скорее ранее утро. Потянулся к рюкзаку и остановился. Нужно поделить пищу, чтобы хватило хотя бы на несколько дней. Хороший план: сначала недоедать, а потом и вовсе умереть с голода... смешно. А почему я должен умереть? До меня здесь разве умирали? Минуточку! Он же сказал... Резким движением открыл рюкзак и стал вынимать оттуда всё подряд. Вот мои два бутерброда, вот одно яблоко, вот второе, вот бутылка... Бутылка? Бутылка с водой!! Не верю своим глазам!

Держа бутылку в правой руке, я со всех ног кинулся в лес. Где же она? Где-то здесь... Вот она! Это невозможно, но факт! В одной руке у меня лежала новая бутылка с водой, в другой же – старая и покорёженная. Но это одна и та же бутылка! Теперь назад, к рюкзаку! Почти задыхаясь, я выкидывал из него вещи, одну за другой. Яблоки! Одно, два, три... четыре! Четыре яблока!

Жадно и с удовольствием поглощая бутерброды, я пытался проанализировать ситуацию.

Факт первый: пища не убывает. Что это означает? Это чудо! Чудо если не умножения, то сохранения – наверняка. Чудеса подобного рода творит только Бог. Итак, один указатель уже есть!

Факт второй: создание нового вместо восстановления старого. То есть, я получил новую бутылку с водой вместо восстановления старой. Здесь мы опять имеем чудо, сильное только Богу. А почему новую? Не знаю. Но это давало мне второй указатель. Теперь я знал, что жизнь всё время движется вперёд. Если бы продукты восстанавливались, я бы думал, что каждый раз возвращаюсь в исходную временную точку. Просыпаюсь каждое утро, и начинаю всё сначала: проживаю один и тот же день. Но теперь я был уверен, что это не так. У меня нет галлюцинаций, я не шизофреник, и это несказанно радовало. Тем более, что нереальность происходящего и без того сводила с ума. А может я зря тешу себя? Может, я всё же двинулся?

Бутерброды съедены, съедено и два яблока. Бутылка опустела наполовину. Пришло приятное чувство насыщения. Но вместе с ним в душу вползло и другое чувство,

отвратительное, постыдное для любого христианина. Меня охватила досада... на Бога. Окончательно удостоверившись в том, что являюсь объектом эксперимента, никак не меньше, и эксперимент этот ставит сам Господь Бог, тоже никак не меньше, я был весьма Им недоволен.

С этой досадой, не помолившись, уснул.

ГЛАВА III

Но спал я недолго. Разбудила одна шальная мысль, пронёсшаяся в дремлющем мозгу. Её действие было подобно электрошоку. В ту же секунду я в ужасе распахнул веки.

И подумал: не слишком ли я рискую, обижаясь на Бога, если Он является хозяином положения, и моя жизнь зависит только от Его чудес? Что, если завтра я проснусь, а новой пищи не будет?

Сон как рукой сняло. Сев ближе к огню, я стал серьёзно размышлять над своим положением. Ещё совсем недавно пища интересовала меня меньше всего. Никогда в своей жизни я не знал продолжительного голода. Никогда не ложился спать голодным. Только если постился. Но пост – дело добровольное. Его всегда можно прекратить. Я не знал вынужденного голода. Зато знал вынужденный духовный голод. Просто не находил, как его утолить. И было это совсем недавно, буквально вчера-позавчера. Я хорошо помню, как сильно хотелось мне утолить его. Как жаловался сам себе, что, мол, лучше бы я испытывал физический голод, он не настолько мучителен. И вот я оказался как раз в такой ситуации. Что это значит? Господь испытывает меня?

Разве мой духовный голод был теперь утолён? Вовсе нет! Он отошёл на второй план. А почему? Наверное, потому что я перестал доверять Богу. Перестал верить Ему. А это грех! Не говоря уже о том, что вера в Бога с некоторых пор – опора всей моей жизни. И особенно сейчас! Это определённо.

Что-то ещё очень важное я понял тогда о духовном голоде. Смысл жизни духа вовсе не в утолении, а в постоянной жажде. Когда мы чувствуем голод, наше естественное желание утолить его. Мы можем так поступать с нашим желудком, но только не с духом. Его невозможно утолить! Его жажда неутолима! Он все время чувствует себя слепым, глухим и невежественным! Как бы вокруг нас не торжествовала истина, как бы нам не хотелось благодушеествовать, он все рано будет кричать о своем голоде. Наше блаженство в том, чтобы жаждать вместе с ним.

И, удивительное дело: я начал чувствовать какую-то совершенно необычную связь с огнём. Пожалуй, впервые это произошло именно тогда. Я покался перед Богом и просил Его освещать мой путь своим светом, где бы я ни был. На сердце стало очень хорошо, тепло и мир залили его. Это уже случалось в моей жизни. Но огонь! Движение каждого языка пламени в точности, как мне казалось, отражали всё то, что горело внутри меня. Когда я это заметил, меня охватила совершенно сверхъестественная радость! Внутреннее горение и любовь к Богу усилились. И как раз в это время огонь буквально вспыхнул! Все его языки взметнулись вверх. Впервые тогда огонь показался мне живым. Связь между нами была потрясающая! Я бы даже назвал это единством. Это был духовный экстаз, если можно так выразиться, совершенно непередаваемое чувство.

Мне захотелось что-то для него сделать. Я взял лежавшие поблизости, приготовленные ещё до меня, переломанные сухие ветки, и начал осторожно подкладывать их в огонь. Он сразу затрещал и заиграл весёлыми искрами. Выражаясь с пафосом, огонь принял мою жертву. Чему лично я был очень рад. Только бы моё состояние никогда не прекращалось, хранило свою остроту. Опять хотелось этого, как тогда, когда началась моя история.

Вот так, глядя на огонь, я и уснул.

Проснулся от яркого утреннего света. Состояние моё было на редкость хорошим и бодрым. На этот раз я хорошо выспался. И в этом было нечто удивительное, поскольку утро-то ранее. Это время замедлилось? Или во мне что-то изменилось?

Огонь горел спокойным, ровным пламенем. Во всём чувствовалось умиротворение. Я открыл рюкзак, и там лежала новая бутылка воды, бутерброды и яблоки. Удивительная материализация вроде бы съеденной в предыдущий день пищи работала так, что если я не вынимал чего-либо из рюкзака, то всё новое появлялось только до полного числа. То есть в рюкзаке всегда лежало два бутерброда, четыре яблока и одна бутылка воды. Старая недопитая бутылка в то утро лежала на траве, а два старых потемневших огрызка яблок – на большом камне. От бутербродов, разумеется, не осталось и следов. Стало быть, два не съеденных вчера яблока входили теперь в число новых. Вот такая занимательная математика.

Однако приём пищи, как и вчера, не доставил мне радости. Бутерброды показались немного приевшимися, а яблоки и вовсе надоели. Что, мне так и придётся неизвестно сколько питаться закуской, есть всё время эту дорожную пищу? В общем, поел я мало и без аппетита. И сразу же почувствовал себя в некотором роде сволочью. В самом деле, что же, кормить меня каждый день изысканными яствами и разносолами всякими?

С другой стороны, эксперимент этот, в котором я чувствовал себя подопытной крысой, стал сильно напрягать. Может, это такая духовная тюрьма, куда попадают разные паршивые овцы, типа меня; всякие там сбежавшие из родного дома блудные сыновья и дочери? Значит, через пару месяцев я буду как шёлковый, и меня отсюда выпустят? Нужно только исправно молиться за Светлый и пастыря-мера, читать карманную Библию и желать скорейшего возвращения в наш расчудесный город? Что ж, попади я сюда больше месяца назад, был бы свято уверен, что именно так и надо делать. И делал бы! И мерил бы постоянно свою духовную температуру, хорош ли я перед Богом.

Но только не сейчас! Сейчас я задаю вопрос: а подлинно ли это Бог? Мне неважно, что чувствует моя, столь любящая ласку, душа! Подумаешь, ей кажется, будто она имеет некую духовную связь с огнём, воображая его огнём Духа! Душе всегда хочется приятные переживания принимать за прикосновение Бога, Его любовь. Но я сейчас не в том состоянии, чтобы воображать себе невесть что. Потому и спрашиваю: а подлинно ли это Бог?

Такая решимость, страсть добаться до подлинного, меня самого поразила. Ведь раньше Бог открывался, прежде всего, как Любовь. И, будучи в собрании церкви, я всегда считал откровение о Его любви наивысшим выражением постижения Божественного. Меня и учили так всегда: если я переживаю Божью любовь, значит всё хорошо. Почему же я всё больше прихожу к тому, что именно достоверность, подлинность Его проявления становится вопросом такой огромной важности, фактически вопросом жизни или смерти?! Почему существует это противоречие? Я не хочу (надеюсь, это только временно) вообще никакой любви. Мне нужна истина! Да, именно истина, и только она!

Как странно, в самом деле! Нормально ли это? В церкви люди жаждут Божьей любви, а за её пределами, вернее, вдали от религиозной суеты, серьёзно задумываются о достоверности и подлинности. Почему же Истина и Любовь всегда порознь?! Почему не могут, наконец, встретиться и ходить вместе?!

Итак, я снова потерял покой. А вместе с ним и уверенность в чём-либо. Это сон или явь? Я сумасшедший или нормальный? И в чьих руках нахожусь здесь? Господи, в чьих же руках я нахожусь последние тридцать пять дней?! Помоги мне, Господи!.. Казалось, я был уже готов от всего отказаться, всё забыть, и вернуться. Только бы вернуться!..

Так прошли дни. Не могу сказать, сколько именно. Может, две недели. А, может, и месяц. Солнце сменялось луной, а жара – густыми тучами. Но всё бы ничего, если бы я был стабилен. Вместо этого беспричинное веселье сменялось приступами истерики, сменявшимися, в свою очередь, глубоким отчаянием. Затем наступала тихая фаза: тоска, выход из тоски, меланхолия... Наконец, попытка жить нормально, насколько это возможно. Во время тихой фазы я старался много молиться. Однако неуклонная цикличность и безысходность происходящего вновь толкали к депрессии.

Довольно быстро я заметил одно весьма удивительное обстоятельство. Депрессии не казались такими уж и длительными, поскольку дни пролетали с бешеной скоростью. Напротив, периоды хорошего настроения сопровождались нормальными для этого времени года световыми днями и ночами. Не скажу, чтобы это меня сильно восторгало, но занимало – определённо. Казалось, будто окружающая среда реагирует на перепады моего настроения. Словно я получал поддержку, как хотелось верить, свыше, так что именно трудные периоды проходили быстрее, а не наоборот.

Замечу, что я с самого начала видел Божью руку во всём, происходившем со мной. Но всё себя переубеждал, мол, этого не может быть, потому что Бог не поступает так. То есть, не подавляет волю человека, не лишает его возможности выбора. Ведь я и в самом деле чувствовал некое давление, меня как будто ломали, пытались что-то изменить глубоко внутри. И сбежать некуда.

Конечно, иногда по ночам мне было страшно от мысли, что сатанинские силы окружили меня, и дни мои сочтены. Но во всё остальное время был уверен, что это не так. Ведь если бы действительно я находился в безраздельной власти дьявола, он убил бы меня уже давно. Я так думаю.

Наконец, я взмолился.

– Господи, что же это такое? Почему Ты допустил это?! Что Ты хочешь от меня? Чтобы я сдался, отказался от всего?! Я уже давно готов к этому, неужели же Ты не видишь?! Ты – Бог, и можешь делать всё, что хочешь!! Но разве подобные методы не противны Твоему характеру?!

Странное дело, все эти мысли давно копошились в моей голове. То отгоняя, то развивая их, я не мог и помыслить о том, чтобы высказаться вслух. И вот теперь, решившись на это, я как бы услышал себя со стороны, осознал свою несусветную глупость и самонадеянность.

Бог не уважает мой выбор? Да кто я такой, чтобы БОГ уважал мой выбор? Что вообще такое «мой выбор»? Мы сильно уважаем выбор маленьких детей? И, исходя из этого, как я вообще могу судить о методах Всевышнего? Действительно ли мне так нужен мой свободный выбор, если он приведет меня к смерти в конечном итоге?

Бог не поступает ТАК? Что это значит? Только то, что я никогда не видел, чтобы Бог так поступал и поэтому не понимаю, почему Он делает это теперь. Больше ничего знать и понимать я не могу. Потому что не я определяю правила. И не так звучит главный вопрос. А как же?

Он звучит так: готов ли я доверять Богу, даже если считаю, что Он поступает «не так»? Я понимал, что должен доверять! Надо доверять! Буду доверять!

Кому-то покажется, что в возможности доверять, либо не доверять, уже заложен свободный выбор. Но мне так не казалось. Недоверие не несло в себе вообще никаких возможностей. Я не мог сказать себе: «Попробую не доверять, и посмотрим, что будет». Заранее ясно, что не будет ничего. Поэтому доверие оказывалось вынужденным и безальтернативным вариантом. У узника, сидящего в тюрьме, тоже нет вариантов. Но он хотя бы знает, где находится, в географическом смысле, почему находится за решёткой, и сколько это продлится. Я же не знал вообще ничего! И только доверие спасало меня от сумасшествия.

На что же это похоже? Я умер? Определённо, нет! Но за пределами привычного земного измерения – уж точно. Снова и снова приходилось возвращаться к размышлениям о вечности, так потрясшим меня месяц тому назад. И размышления эти уже не нравились больше. Неужели в вечности так же тоскливо, как здесь? А почему мне тоскливо? Потому что я один! Ответ честный, но совершенно нелепый. Выходило, что вечность привлекательна, только если там весело и много людей. Ну, почему именно людей? В вечности Господь обитает с нами! Но Господь ведь – Дух! И в вечности наверняка важно не то, как Он выглядит (прости, Господи, это я только для выражения мысли!) и разговаривает, а, вообще, сколько Его во мне! Сколько же Его во мне, если мне так тоскливо? Видимо, нисколько. Почти нисколько...

Чем больше будет Его во мне... и, следовательно, чем меньше будет меня во мне... тем больше вероятности, что вечность действительно станет желанным пристанищем. А если этого не случится? Тогда... гарантий фактически никаких. На усмотрение вечности. Не припоминаю, чтобы прежде задумывался о вечности настолько серьезно. Вот, я избавлен от вечных мук, получил «проходной билет» в Небесное Царство, и что же дальше? Я всегда слышал: «Мы будем радоваться в Его вечном присутствии!». Как в старом голливудском фильме: счастье широким планом, надпись «The End», и занавес опускается... А дальше-то что? Вечность! Это ведь... ух, аж дух захватывает! Вечность!!!

Так вот что значит: умереть для себя и жить для Бога! Это не просто делать какие-то наполненные смыслом религиозные дела. Это значит: не хотеть! Можно делать, делать, делать для Бога, но хотеть своего! А как можно перестать хотеть, если я ХОЧУ ХОТЕТЬ! Есть ли ещё что-то в этой жизни, чего мы хотим больше, больше нашего желания хотеть своего? Лично я уже давно, сначала подсознательно, а потом вполне сознательно перестал верить известным мне людям, даже великим и уважаемым, которые на полном серьёзе утверждали, будто имеют теперь только Божьи желания. Какая самонадеянность!

Короче говоря, мне уже не хотелось вечности. Вернее, скажем так, жажда вечности откладывалась до момента смерти моего эго. А умирать ему не хотелось. Да и я сам был готов спрятать своё дорогое эго поглубже, чтобы не достали. Господи, как ты можешь любить этого червя!? Он не заслуживает жизни!

ГЛАВА IV

Переломный момент моей истории наступил в день, когда я осознал все возможности огня. Это был как раз период самоуничужения, вызванного моим нежеланием умирать для себя. Я каялся, бил себя кулаком в грудь, но хранил своё эго пуще зеницы ока. Воображал при этом себя кем-то вроде Робинзона Крузо, диким отшельником. Я был сильно заросшим, если не сказать бородатым. Но, главное, теперь я знал своё место.

Я – хранитель огня! И вряд ли гожусь на что-то другое. Червь, тысячу раз достойный смерти, не может желать лучшей участи!

В те дни я был очень чутко, почти фанатично предан огню. Чувствовал, когда можно подбросить веток, а когда достаточно. Улавливал перепады его настроения, стремился предупредить его желания, если можно так выразиться. Конечно же, я был вознаграждён. И уже не считал себя таким одиноким. Его благосклонность значила для меня очень много. Его, как казалось, равнодушие, угнетало больше всего. Вы спросите, как же я дошёл до такого? Но, помилуйте, уже тот факт, что огонь никогда не гас, ни при каких обстоятельствах, сам по себе способен был вызвать благоговение. Конечно, я его не топтал (Упаси, Господи!), но если бы даже дождь лил целый месяц, а ветки не подкладывались целый год, огонь горел бы всё равно. Кроме того, я втягивался. Человек ко всему привыкает. Где бы он не оказывался, в какие обстоятельства не попадал бы, он всегда пытается найти себя, придать смысл своей жизни. Дезориентация, конечно, бывает. Но длится она обычно недолго. А потом приходится выбирать между обретением смысла жизни, пусть даже и не очень высокого, и безысходностью, означающей неизбежную смерть. Стоит ли удивляться, что человек чаще всего выбирает первое? В принципе, оба варианта – самая настоящая обыденность, серая и унылая. Подняться над нею – большой подвиг, но он мало кому под силу. Я знаю, о чём говорю, потому что видел много обыденности в своей жизни. Чтобы победить её сейчас, мне следовало не глубокий смысл искать в своих лишённых всякого смысла обстоятельствах, а попытаться понять, что же разделяет всё-таки меня с моим Богом. И пытаться до тех пор, пока не пойму, наконец... Пока всё внешнее не померкнет перед внутренним. И никого самообмана! Никаких легкомысленных клятв! Нет, я был неспособен на такое... Самообман и легкомыслие давно мне опротивели. Но и для принятия настоящих решений сил не находилось.

Так вот, всё произошло после того, как я в очередной раз проснулся рано утром. И что же?! Моя правая рука наполовину лежит в огне!! Не знаю, как она там оказалось, но жаренным, как говорится, не пахло. Надеюсь, Вы понимаете, я никак не мог обнаружить такого парадокса специально. Это ведь огонь, он не просто горячий! Даже лёгкое прикосновение к нему заставит одёрнуться любого нормального человека. Теперь же буквально дыхание захватывало оттого, что огонь хотя и горячий, но не обжигает.

В то же утро я сделал ещё одно удивительное открытие. Огонь, оказывается, можно брать в руки. Вот так вот и брать языки пламени прямо в пригоршню! И они могут гореть отдельно от основного пламени. Гореть, в общем-то, от ничего! И даже без воздуха, как я потом проверил. Можно было класть огонь за пазуху, можно было украшать им деревья. Впрочем, я не очень-то и веселился. Этому препятствовало то благоговение, с которым я относился к нему Его сверхъестественное происхождение больше не вызывало у меня сомнений. Уж он-то изначально существует над обыденностью, он неподвластен привычной реальности. Но чем мне считать его?

В тот день ко мне пришёл дьявол, как я теперь понимаю. И победил меня.

Он пришёл из самой моей глубинной сути, которую я столь тщательно прятал от Бога. Да, это именно так и бывает: что кладётся подальше от Бога, то оказывается у дьявола на ладони. Я вдруг подумал о том, что там, в центре города, на площади, горит мёртвый огонь, питаемый от газовой горелки. А я здесь, в дремучем лесу, неизвестно где, сижу совершенно один, и держу настоящий, живой огонь. И как было бы круто оказаться теперь с ним на городской площади! Ну, или вообще в городе, на виду у всех.

Так вот за какое-то мгновение я превратился из хранителя огня в его расхитителя. В мыслях меня уже не было здесь, я хотел вернуться в город. И непременно с огнём. Несколько последующих дней я прокручивал в уме различные варианты своего эффектного появления, и какое впечатление произведёт на людей живой огонь.

Сам огонь (до сих пор не знаю, величать ли его с заглавной буквы) мгновенно отреагировал на мои настроения. Он уж слишком низко стелился по земле, как будто чем-то был сильно подавлен. Таким я его еще не видел. Что ж, не дурак, всё понимаю...

Но, понимая, я, тем не менее, целиком был в своих фантазиях. И Богу молился примерно таким образом: «Господи, я понимаю, это странно. Но, прошу Тебя, устрой мне возможность придти с огнём в Светлый. Наверное, до меня никто этого не делал. Хотя... откуда мне знать?! Тот парень, что был здесь до меня, наверняка был очень послушным и старательным хранителем. Но вряд ли он был способен на смелые поступки. А я способен! Господи, пошли меня!»

После этой молитвы я буквально кожей почувствовал праведный смех Всевышнего. Конечно, я глупец. Всё это так глупо!

«Боже, я глупец! Я знаю, никто всё равно не поймёт меня, даже если я приду с этим огнём. Они всё равно найдут сотню объяснений такому феномену. А меня оставят в дураках. Но я хочу убедиться! Господи, это моя последняя иллюзия. Как только она разрушится, я сразу вернусь! Обещаю! Я отдам тебе своё сердце раз и навсегда, больше ничто не будет держать меня!»

Друзья, никогда не называйте ни одну из своих иллюзий последней! И не давайте Богу обещаний, в вечном исполнении которых Вы не уверены! Всё, что я доказал своей молитвой, так это то, что именно стремление кому-то что-то доказывать, что-то утверждать или опровергать, вся эта чепуха больше всего и удерживает меня от настоящей преданности моему Богу. Короче говоря, я всё-таки хочу реализовать себя в этом мире людей, оставить какой-то след. Сделать что-то большое и хорошее от себя перед тем, как уйду, чтобы, навсегда забыв о себе, жить ради Него. Вот это-то и есть, наверное, самая большая наша иллюзия. Иллюзия, которая будет преследовать нас до конца земного пути.

Но день мой всё-таки настал. Проснувшись однажды утром (сколько было уже этих пробуждений!), я понял что это он. Какой же долгий был этот последний день! Убрав территорию в диаметре двадцати метров вокруг огня, я начал тщательно собирать рюкзак, перебрал все вещи. Наконец, когда делать было уже нечего, стал размышлять над тем, как

встречу того парня, который меня заменит. С удовлетворением отметил тот факт, что мне при сходных обстоятельствах хотелось бы быть гораздо приятнее и обходительнее своего предшественника.

Начинало темнеть, но никто не появлялся. Я чувствовал: пройдёт немного времени, и наступит полночь, а с ней и новый день. Что же, чувство обмануло меня? Стоп! Я совсем забыл, нужно «упаковать» немного огня. Открыл боковой кармашек рюкзака и опустил туда язык пламени, после чего плотно, наглухо закрыл. Минуты тянулись долго и тягостно... Стало так тихо, что я слышал стук собственного сердца. Снова открыл боковой кармашек рюкзака, для проверки. Огонь на месте, горит себе...

Ждать уже не было никаких сил! Я встал, взял рюкзак, перекинул его через плечо и зашагал в лес. Просто подумал, что лучше я буду уходить, и возвращаться, нежели выдерживать это томительное ожидание. Оно сводило меня с ума. Помню, уходил так и возвращался несколько раз. А потом... не знаю, как я преодолел всё-таки тот невидимый барьер... но назад я никогда больше не вернулся. Никогда, наверное, и не вернусь. А жаль...

Так закончилось это приключение, такое странное и даже абсурдное. Но ничто не повлияло на меня и мою жизнь больше, чем оно. И ни с чем при этом я не стремился покончить так сильно, чем именно с ним. Вот так. Я думаю, что огонь просто отпустил меня. Душой и духом я уже давно был не с ним. Только почему он позволил мне взять часть себя? Этого я никогда не пойму.

ГЛАВА V

Вначале лес показался прямо-таки непроходимым. За деревьями не было видно неба. Но потом лес начал заметно редеть, и небо таки показалось. Но оно было совсем не ночное, а, скорее, утреннее. Это было странно, потому что прошёл я не более получаса. Впрочем, мне удалось уже привыкнуть к странностям.

Но по мере продвижения я просёк, что было вовсе не раннее утро, а поздний вечер. То есть темно. Нужно было найти место для ночлега, идти всю ночь я не собирался. К счастью, лес закончился, и началось поле. Оно было выкошено, и вдали виднелись стога. Что ж, прекрасно! Подойдя к ближайшему из них, я приготовил себе лежанку. Открыв кармашек рюкзака, обнаружил огонь по-прежнему горящим. Сознаюсь, это меня потрясло! Я не только был уверен, что он остался в той фантастической реальности, из которой столь неожиданно удалось вырваться. Мне уже начинало казаться, что ничего и не было. Реальность окружающего была настолько разительной, настолько земной, бесконечно обыденной, что... я действительно был потрясён. Но сказка, видимо, ещё не кончилась.

Первое, что я понял, когда проснулся, так это то, что привычная жизнь как будто возвращается. Вдали виднелись трубы электростанции; дорога же, оказывается, проходила совсем недалеко от поля. А огонь в кармашке рюкзака всё-таки горел! И, знаете, такое чувство, будто бы я находился в двух мирах одновременно.

Не буду заострять внимания на том, как добрался домой. Важное обстоятельство, обнаруженное мною по пути... Было, оказывается, утро следующего дня! Да, того самого! Следующего после моего исчезновения из города. Выходит, меня не было лишь одну ночь! То есть, я как будто вчера вышел из города, прилёг на ночлег, и вот уже возвращаюсь. А я-то думал, что больше месяца прошло.

Дома никого не оказалось. До обеденного перерыва оставалось более двух часов, но я решил пообедать, не дожидаясь родителей. Пища показалась настолько вкусной и разнообразной, что не хотелось расстраивать мать своим голодным видом. Поев, я начал вспоминать все обстоятельства моего ухода из города... Так, стало быть, вчера помощница пастыря-мера приходила за ответом, но не застала меня дома. Сегодня же как раз

делегатское собрание, оно идёт с самого утра. Что ж, лучшего стечения обстоятельств и придумать нельзя было!

Я помылся, одел лучший костюм, положил огонь из рюкзака во внутренний карман пиджака, и решительно направился к выходу. Нервничал ли я? Не так уж и сильно, как сейчас кажется. В моих руках был убийственный козырь, способный как минимум привести в недоумение всех. Я покажу огонь, горящий прямо у меня в руке, и уйду так же решительно, как и пришёл. Пусть переваривают. Сочтут шарлатаном? Ну и пусть! Хотя это было бы даже смешно. Ничего! Всё равно в глубине души задумаются. Человек так устроен. Он не может не думать о том, что волнует, что цепляет и царапает душу. А, задумавшись, засомневается: может, не всё так уж правильно и красиво, как кажется? Немного сомнений никому не помешает. Правда, для многих людей вера является зачастую не более чем отрицанием сомнений. Но мы-то с Вами знаем, что сами по себе сомнения не несут опасности для веры, для настоящей, несуетной веры. Они влияют на неё. Но и она влияет на них! Сомнения подключают к вере разум, совершенствуя её, раздвигая рамки. Вера же умиряет буйную, плохо управляемую, энергию сомнений, трансформируя её со временем в развитую духовную интуицию.

Странно, но ни охрана, ни многочисленные клерки, никто не смог воспрепятствовать мне попасть в зал заседаний. Уверенность, с которой я нёсся вперёд, лишь на ходу отвечая на вопросы, была слишком непривычной для этой среды, где всё делалось очень размеренно, и только после множества подтверждений и согласований. «Я должен сделать важное заявление! Меня уже ждут!», - таков был мой ответ каждому. Короче, попав в зал, я сразу же, не раздумывая, направился к трибуне. А что мне было делать? Разрешения спрашивать, согласовывать свою речь с помощницей пастыря-мера? Это обречено.

Человек, говоривший речь возле микрофона, только растерянно пожал плечами, когда я попросил разрешения обратиться к залу. Спустя мгновение мой голос слышали уже все делегаты. Из-за всеобщего шока воцарилась полная тишина. Во всяком случае, мне так показалось. Но, честно говоря, я был настолько поглощён собственной миссией, что не очень-то внимательно оценил обстановку.

– Позвольте попросить минуту Вашего внимания... Возможно, Вы все помните меня. Я тот самый несносный тип, который позволил себе высказать замечания по поводу Огня Святого Духа на последнем служении. Возможно, в моём выступлении и был момент беспардонности, особенно в самом его факте... и я прошу за это прощения. Но позвольте расшифровать, что я имел в виду, когда говорил о газовой горелке. Есть некоторые вещи, которые человек даже при очень большом желании никогда не сможет подделать. Они слишком явно появляются из ниоткуда и ничем не поддерживаются. Они приходят, когда мы их не ждём, и уходят раньше, чем мы успеем создать для них условия. Вот одна из этих вещей!

Моя рука скользнула во внутренний карман пиджака со стороны сердца, где в это время огонь грел мои рёбра. Почувствовав этот удивительный, не обжигающий жар, я поддел под него ладонь и потянул наружу, на свет белый. Но как только рука вышла из кармана...

Его уже не было... Моя ладонь так и осталась наполовину прикрытой левым бортом пиджака, я так и не вытянул её совсем. Что почувствовал? Смешанные, в общем, чувства были. Печаль. Смех. Внутренний смех, в душе. Хотя, видимо он отразился и снаружи, потому что улыбка у меня была преглупая. Печаль, знаете ли, была больше от сознания расставания, теперь уже навсегда, с огнём. Смех тоже был печальный. Он был вызван сказанной только что мной самим фразой о вещах, которые «уходят раньше, чем мы успеем создать для них условия». Так это и было! Он ушёл как раз вовремя.

Тут меня подхватили под руки два каких-то парня, и потянули к выходу. Вытащив из зала, они явно не знали, что делать со мной дальше. Так что один остался рядом, а второй вернулся в зал. Через минуту он вынырнул, сказав, что меня просят пройти в кабинет начальника охраны. Я подчинился.

Кабинет был пуст, но вскоре появился красный, видимо, от нагоняя, начальник охраны в сопровождении моего делегата, и ещё каких-то людей из делегатского состава.

– Ну, ты дал!

Вот такие буквально слова первым делом произнёс мой делегат. Я молчал, продолжая, как мне кажется, улыбаться. Да я был, знаете ли, на своей волне. Ничего против того, что происходило, особенно не имел, с дисциплинарной точки зрения всё понятно. Но чувства были ни с чем не сравнимые. Умерла моя иллюзия доказать что-то всем самым быстрым и эффектным образом. Произошло то, что должно было произойти. Я окончательно успокоился от простой и очевидной мысли: если хочу, чтобы меня поняли, нужно просто ждать. Терпеливо, и, возможно, очень долго. И, возможно, никогда не дожждаться. Хотя кто-то обязательно поймёт, непременно. Но это будет больше единичная тенденция, уж никак не массовая. Что ж, чтобы успокоиться от такой, вовсе неутешительной мысли, нужно было принести в жертву как минимум одну большую иллюзию. Что я и сделал только что.

– Нет, ну вот ты мне скажи: что доказать-то хотел?! Ты что, за сердцем в карман полез? Зачем туда полез? Хотел всем показать, что ли, мол, вот моё сердце, берите и ешьте? Оно, мол, неподкупное и честное, и всё такое. Так, что ли?

Я его, конечно, понял. Никто не знал действительной ситуации, и со стороны всё могло восприниматься именно так, или как-то в том же духе. Поэтому я лишь молча покачал головой.

– Молчишь теперь? Возомнил себя птицей в клетке? Свободы захотелось? Какая свобода, брат ты мой дорогой!? Мы рабы Христовы! Себе уже не принадлежим! И порывы мятежной души, мягко говоря, уже неуместны.

Что-то внутри щёлкнуло. Я знал, что он сильно передёргивает, и грубо сталкивает понятия. Но возражать не было ни сил, ни желания. Чувствовалось сильнейшее эмоциональное истощение.

Что, хотите, тем не менее, знать, что я думаю о свободе и рабстве во Христе? Что ж, извольте. Рабство во Христе – добровольное рабство. Оно должно быть желаемым больше всего. Поэтому никто не вправе оперировать им в принудительном контексте. Да, рабство во Христе – великое благо! Но оно проистекает из нашей свободы, оно питается ею. Наше рабство обретает смысл только в нашей свободе. В противном случае быть рабом Христовым по-настоящему никто и не сможет. Вы просто не сможете Ему угодить таким своим рабством. Так что не противопоставляйте свободу и рабство. Никогда этого не делайте! Они нужны друг другу, как две части целого. Во Христе это именно так.

Вот и вся история, в принципе.

Последнее, что я отчётливо помню о событиях того дня, это потрясённые лица родителей, будто бы увидевшие привидение. Я вошел в дом, уставший и бледный, с ничего не выражающими глазами. Подошёл, обнял мать. Она поддалась, и тихо заплакала. Обнял отца. Он немного сопротивлялся. Потом пошёл в свою комнату, закрылся, плотно задернул шторы, разделся и лёг спать.

ЧАСТЬ 3

Заключительная

ГЛАВА I

Одним из величайших достижений человека на пути к духовному совершенству является осознание своей слепоты, глухоты и невежества. Поистине важнейший этап в жизни любого верующего начинается тогда, когда он понимает, что такое состояние носит не временный, а постоянный характер. Временно как раз просветление, способность слышать и понимать!

Если человек говорит: «я был слеп, но прозрел», это означает только то, что он прозрел лишь в чем-то, пусть и очень важном, жизненно важном. Но во всем остальном он находится в столь же плачевном состоянии. Мы должны постоянно ощущать свою зависимость от Бога, который в удобное Ему время благоволит к нам, дарует видение Своей истины и слышание Своего слова. Когда мы думаем, будто правда установлена и истина утверждена, мы находимся в глубочайшем заблуждении. И лучше бы нам разобраться, где именно мы позволили себя ослепить.

Для апостола Павла ориентиром, маяком в мире, ослепленном собственной ложью, было всегда юродство креста, о котором он и проповедовал. Тот же ориентир имеем и мы. Но что, если крест начинают признавать все? Тогда необходимо вернуться и проверить, где именно «все» позволили себя ослепить. Потому что в любом обществе, группе, в любом объединении людей, о котором можно сказать «мы все», юродство блекнет и теряет остроту понимания сути. «Все» не могут признать юродство настолько, чтобы сделать его опорой своих отношений. А ведь именно в этом и весь смысл. Если «все» признают крест (или подумают так, что признали), то юродство сразу воплотится в чем-то другом. Оно всегда будет тыкать человеку в его слепой глаз, будет немым вызовом его невежеству. И да будет так всегда, до тех пор, пока мы не окажемся навсегда озарены Его светом!

Со всей ясностью я понял: самое трудное состоит вовсе не в том, чтобы показать миру Бога или то, как хорошо быть христианином, а в том, чтобы увидеть этот самый мир таким, какой он есть, не через призму религиозных клише. Картина реального мира с неумолимым цинизмом откроет новую, безжалостную грань понимания... Христианином быть плохо... Христианство – это смерть! Смерть этого мира... Рождение христианства явило собой приговор миру. Он, с позиции Евангелия как откровения от Бога, суетен, и поэтому должен умереть, уйти в небытие. Но пока он не умер, христианином быть плохо. Христианину, когда он честен перед собой и Богом, не за что зацепиться в этом мире, нечем утешиться. Каждая минута его жизни представляет собой духовный конфликт, которому нет конца в смертном теле. Да, христианин находит утешение в Боге, слава Ему... но утешение не отменяет духовных страданий, оно лишь приносит тихую радость блаженства. А блаженство имеет смысл только в ожидании вечности. Если же утешение даёт не радость блаженства, а любую другую радость... например, чувство триумфа, гордости, реванша, стремления кому-то что-то всё время доказывать... нет, тогда это всё нереально, бессмыслица, самообман. В этом случае мир, конечно же, будет представляться как поле для деятельности, на которое христиане идут то как на труд, то как на войну, покидая церковь-убежище. Так ли Бог представляет мир? Таким ли мир открывается нам, когда мы стремимся увидеть его, каков он есть, то есть реальным? Что-то мне уже так не кажется. Мир – наш дом, обречённый на гибель! И мы, христиане, - его дети, во всех смыслах, кроме духовного. И все другие люди – тоже его дети, и тоже во всех смыслах, кроме духовного. Духовно же все люди – искупленные дети Небесного Царства. Разница между людьми лишь в том, что одни, мизерная часть, это почти понимают («почти», потому что полное совершенство доступно лишь Богу), другие в процессе понимания, третьи в процессе недопонимания, четвёртые в процессе непонимания. Все в процессе... Таким образом, мы, все люди, христиане и нехристиане, просто находимся в разных процессах. Но как только мы переходим к следующему процессу понимания, у нас сразу же возникает искушение указывать другим людям на их процесс, будто бы низкий по отношению к нашему, как представляется. Большая ошибка! Ведь это же всего лишь процессы, каждый из которых возобновляется в нашей жизни по нескольку раз. Это не уровни, и даже не ступеньки. Это

всего лишь именно процессы... И наше обращение к Богу – просто самый яркий и судьбоносный из них. Весь наш мир – бурлящий котёл различных процессов, большинство из которых, конечно, суетны и противны Богу. Только и всего... Церковь – вовсе не убежище. Церковь является духовным Телом, состоящим из искупленных людей, просто каким-то чудом сознающих своё искупление. Она не вне этого мира. На ней нет ни панциря, ни шерсти, ни даже, наверное, кожи... потому что она каждым своим нервом находится в мире, остро чувствуя его. Его жизнь и агонию... А, чувствуя его, она обязательно чувствует саму себя, она честна и самокритична. Если же Церковь начинает мнить себя убежищем, особым местом для искупленных людей, то рано или поздно теряет эту острую связь, незаметно для самой себя превращаясь в микромодель мира, то есть в свою противоположность, лживую и самодовольную. И даже ещё хуже того, потому что лицемернее. И, конечно же, тоже обречённую на смерть.

Что же не обречено? Что реально?! Простите за тавтологию, но реально только то, что реально! В чём нет дипломатии, игры, уступок, переуступок, заходов и выходов с разных сторон. Реальность – вещь прямая, как клинок. Если кто-то хочет жить и существовать в реальности, он просто должен встать поровнее, и идти прямо по клинку, никуда не сворачивая. Не ориентируясь на то, что делают другие. На пути этом мы, конечно, будем очень уязвимы. Отчасти потому что это сразу же вынесет нас из общего течения. А отчасти и потому, что прямой путь – непременно путь ошибок. Поймите правильно, не ошибочный путь, а именно путь ошибок, то есть всего того, что сопровождает любого человека на пути, по которому он никогда прежде не ходил.

Вот так я размышлял той ночью, почти бессонной от пережитого волнения.

Ещё я молился. Каялся, в основном.

Больше всего мне было стыдно за то, что оказался слишком слабым для того, чтобы выполнить простую, казалось бы, задачу: дождаться следующего хранителя огня.

Наконец под утро, обессиленный, мой разум погрузился в тревожную дремоту. И вдруг оказался ТАМ. Это было так реально! Я стоял на выходе из лесной полосы, на том же месте, откуда впервые увидел огонь. Возле него сидел незнакомый мне человек. Я его некогда прежде не видел. Не замечая меня, он спокойно глядел на игру пламени. Это видение длилось всего несколько секунд. Или, может, минут. Очнувшись, я поразился реальности всего произошедшего только что. Как это понимать? Огонь даёт знак, чтобы я не беспокоился? Так я прощён, или нет?

Видение больше никогда не повторилось. Я очень хотел в первое время, чтобы огонь хотя бы раз ещё приснился мне. Но этого так никогда и не случилось.

ГЛАВА II

Вот и всё. Вся история.

Никто больше ко мне не приходил. Вообще никогда не трогали. Ни словом, ни полусловом не напоминали. Словно и не было ничего. А что с меня взять? Такие, как я, просто «выпадают из обоймы». Им единственным отдаётся право свободного полёта, без ограничений. Лишь бы вели себя тихо. К родителям постоянно кто-то приходит, как я понимаю, осведомиться об их духовном здоровье. Они же всё-таки... понятно рядом с кем живут. Я же мог вообще никогда на служения не приходиться. Делай, мол, что хочешь, лишь бы молча. Да я и сам больше ни разу не заикнулся. Как говориться, хоть и орёл, но крылышки подрезаны.

Грустно это, конечно.

Ведь я такой же, как и они. Такой же последователь Иисуса Христа. Разница лишь в том, что я мыслю иначе. Обстоятельства, размышления, другие люди, и вообще ход жизни сделали меня таким. И было грустно, что я сделался как бы отступником от христианской истины в глазах других верующих. Да, моё поведение было несколько скандальным. Но это была естественная реакция на происходящее вокруг религиозное помешательство. Которого, что любопытнее всего, сам почти всю жизнь не замечал. И чтобы уже больше не быть им увлечённым, я не нашёл ничего лучшего, чем хоть как-то встать поперёк. В этом тоже было много безумного и нелепого... Как будто хотелось в этой нелепости, этой своей шокирующей выходкой показать, что есть другие люди, мыслящие иначе. Они тоже верят в Бога, но у них другое понимание. Может быть, в кого-то сам этот факт, такой, вроде бы, очевидный для любого нормального человека, мог заложить хоть самую малую долю сомнения в правоте этого столь рационального, и столь же слепого коллективного разума.

Я много думал: в чём вся «фишка»? В защите целостности церкви? Может, в защите христианского взгляда на саму суть всех вещей? Вовсе нет. Это всего-навсего защита своего рода христианской субкультуры, которая, если разобраться, ничем не отличается от любой культурной модели. Тот же диктат мнения большинства, та же система сдержек и противовесов, та же убийственная дипломатия, подменяющая мудрость целесообразностью, а праведность сдержанностью. И вот только из-за того, что эта субкультура ничего для меня не значит, не занимает никакого места в моих ценностях, никоим образом не определяет моего поведения, только из-за этого между моими братьями и сестрами, моей духовной семьей... лежит пропасть. И даже тот факт, что у нас один Бог, одна вера, одно крещение не может существенным образом ничего изменить. Увы, мы чужие... А, собственно, что так уж сильно мешает мне примириться с этой субкультурой? Ведь без культурной среды не бывает общества. А христианство ведь общественно по своей природе. Ну, я думаю, мог бы... Но вот беда, эта самая субкультура совершенно лишена самоиронии, критичного взгляда на саму себя. По этой причине некоторые вещи в ней доведены до полнейшего абсурда. Но хуже всего: нельзя ничего подвергать сомнению, тем более высмеивать. Даже в мыслях. А вслух и подавно! Боже, упаси. А ведь тянет иногда, особенно когда лица так серьёзны! Короче говоря, бывает не так уж и просто. Но я стараюсь. Честно!

Временами мне кажется, что и не было никакой истории про огонь. Проспал просто на работу в тот злосчастный понедельник, вот и приснилось. А потом вспоминаю о дневнике, о драгоценных записях, сделанных неведомо когда и неведомо где. Впрочем, не всё ли равно? Важнее то, что произошло во мне самом. Раз и навсегда. Необратимо.

Город как город, люди как люди. Только я не как я.

Вот и всё.

Однажды на улице встретил того старичка. Ну, помните, ученика пастыря-основателя? Извинился перед ним за то, что сбил с толку своей сумбурной запиской. Но он, оказывается, о ней не помнил. Или она к нему не попала.

Мы поговорили с ним какое-то время. Я был в то время очень пессимистично и мрачно настроен, и он постарался утешить меня. Впрочем, тогда это ему не слишком-то удалось. Сейчас же я по-другому на всё смотрю, более зрело, что ли. Может быть, это потому, что мне самому теперь приходится утешать таких же потерянных идеалистов, как я.

Как я их нахожу? Да по-разному... Наблюдаю за людьми. Не специально. Просто... что же ещё делать одинокому безумцу? Иногда даже подхожу к кому-нибудь, чтобы заговорить о том, о сём. Состояние человека, его внутренний мир раскрывается обычно с первых слов. Временами, конечно, ошибаюсь. Но чаще всего – нет. Я считаю эту свою... не знаю... работу, что ли... я считаю её очень важной. Нет, правда! Уж извините, если Вам так не кажется. Я-то ведь знаю, что наш город-церковь определённно не является тем местом, где люди, ищущие правды, найдут истинное утешение. Возможно, нуждающиеся в некотором количестве любви и обременённые некоторым количеством житейских проблем, и будут

благословлены. Но тот, кто страстно ищет истину, тому туго будет. Жаль, но это так... Думаете, никто этого не понимает? Как бы не так! Понимают. И таких людей больше, чем можно предположить. Я это уже точно знаю. Именно поэтому и смотрю в будущее с надеждой. Увы, пока любовь у нас тут больше ценится, нежели истина. Истина ведь, в общем-то, на практике оказывается довольно скользкой вещью. Без любви истина – худшее из зол! Без истины же любовь – худшее из лицемерий! И так уж человек устроен, что к тонкому лицемерию он гораздо больше расположен, чем явному и откровенному злу. Но лицемерие ведь столь же недолговечно, как и любое зло. Потому что уничтожает само себя. И однажды начатое Богом через Основателя возродится во множестве таких же призванных. И они будут не только посвящены и преданы, но также мудры и дальновидны. Они будут презирать корысть во всех её проявлениях, и любить Церковь Христову до самопожертвования. Поколение великих жнецов на время уходит, и вскоре настанет время великих защитников, бесстрашных и несгибаемых. Достаточно бесстрашных, чтобы иметь готовность быть услышанными немногими. И достаточно несгибаемых, чтобы не разочаровываться и не ослабевать. Это будет совсем скоро. Я верю... Призовешь ли меня когда-нибудь, Господи? Если сочтешь достойным...

Что ж... я думаю, удивление по поводу всего пережитого и рассказанного останется со мной навсегда, как некое открытие неизвестного прежде Бога, который, оказывается, может так необычно шутить (способны ли мы понять это иначе?), глядя на дивные дела своих возлюбленных детей. Хоть однажды увидев одну такую «шутку» и поняв её смысл, уже невозможно оставаться прежним, лишённым этой грустной иронии.

Самоиронии.

Шел, вижу огонь
Манящий, живой.
И пламя пахнет как хлеб,
И путь мой нелеп.
Встал ближе к нему,
Никак не пойму,
В чем сила и глубина,
Откуда она?
Нет дыма нигде,
Не гаснет даже в воде,
Не знаю пока, но потянулась рука.

Горит огонь, горит огонь...
Не бойся, возьми рукой.

Я - птица в лесу,
Пью с листьев росу.
И хищный не тронет зверь
Души моей.
Неправда сдалась,
Пыталась, но не сбереглась.
И ноги нашли что-то надежней земли.

Горит огонь, горит огонь...
Не бойся, возьми рукой.

Я вижу рассвет,
Как Новый Завет,
В котором, без лишних слов
Воскресла любовь.
Вот утро, опять
Со мною Твоя благодать.
Мне снова легко и я пойду далеко.

Горит огонь, горит огонь...
Не бойся, возьми рукой.

2002 – 2011

2002 – рождение идеи
2004 – переосмысление идеи
2007, июнь – первые сюжетные наброски
2008, март – разработка общей концепции сюжета
2008, май – окончание основной работы
2008 – 2011 – периодический возврат к тексту и редактирование